

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФЕВРАЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи В. Плавильщикова.

1 8 2 0.

Печаташь позволено:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

С. П. Б. Февраля 11 дня, 1820 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ
Ив. Тиликовской.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страни.

I. Исторія и Политика.

О правленіи, образованности и политическихъ перемѣнахъ Греціи, съ объясненіемъ причинъ ея возвышенія и упадка. 1

II. Воспитаніе.

О сохраненіи здравія дѣтей. 19

III. Литтература.

а) Изящная проза. Европейскія письма 35
 Видѣніе на горѣ Парнассѣ. 46
 Бумажный Наполеонъ. Гуморическая повѣсть. : 57

б) Стихотворенія.

Узникъ. 79
 Мщеніе. 85
 Гробъ. 86
 Элегія (къ Яконшову). 87
 Къ Сосѣду. 88
 Кофе 91
 Доридѣ. 92
 Мадригалы —
 Надписи къ статуямъ. 94
 1. Флорентійскому Меркурію.
 2. Купидону.

Эпиграммы, 1. 2. 95

IV. Изящныя искусства.

О новой музыкѣ 96

V. Критика.

Взглядъ на текущую Словесность . . . 106

VI. Смѣсь.

Отборныя мысли 128

Анекдоты 129

Разныя извѣстія 132

VII. Политическія новости 136

І. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

О правленіи, образованности и политическихъ перемѣнахъ Греціи, съ объясненіемъ причинъ ея возвышенія и упадка.

Греція въ древнія времена находилась подъ власпію Царей. Исторія открываетъ намъ, что сія страна сначала раздѣлялась на малыя общества, которыя были управляемы начальниками — героями. И эпошъ образъ Монархическаго правленія основанъ на природѣ вещей: — гармонія происходитъ отъ различія звуковъ — одинъ тонъ всегда господствуетъ; въ нравственномъ и физическомъ отношеніи сильный покоряетъ слабого; и въ обширной громадѣ мірозданія спутники движутся около планетъ, сіи около солнцевъ. Но послѣ вдругъ по перемѣнѣ направленія умовъ, во всей Греціи изъ Монархическаго правленія происходитъ Республиканское. Кажется, что оно произошло поспешенно. Изслѣдуемъ тому причины.

Частыя вражды между Греческими Монархіями безпрестанно приводили ихъ въ изнеможеніе и влекли за собою бѣд-

ствія, для цѣлыхъ народовъ. Они принуждены наконецъ были учредитьъ судъ Амфикиїоновъ. Сїи народныя депутаты всѣхъ Греческихъ Государствъ вскорѣ пріобрѣли надъ ними верховную власть: они рѣшили споры Царей, безъ кровопролитій прекращали раздоры; — и какъ Государи должны были слѣдовать ихъ приговорамъ, то они сдѣлались несамодержавными Монархами — власть ихъ безпрестанно упадала. Богатые, раздражаемые самолюбіемъ, искали только случая присвоить ее себѣ, а народъ, помившись отъ бѣдности, всякой переменной надѣялся облегчить свое состояніе. Взоры всѣхъ обращены уже были на Амфикиїоновъ и правленіе ограниченное, основанное на выборѣ — подобное тому суду казалось лучшимъ. Случай споспѣшествовалъ приближиться къ сей цѣли. Кодръ, Царь Аеинскій умираетъ за опечесиво. Кажется, что симъ хотѣли болѣе утратить чесплюбіе, и наполнить душу благородною, безкорыстною любовію къ общему благу. Но сїи понятія были еще ранвременны для народа, который едва только началъ выходить изъ мрака невѣжества и спремился къ своеволію; Драконъ долженъ былъ издасть кровавыя законы. Не таковы ли они были и у всѣхъ народовъ грубыхъ,

необразованныхъ? Первоначальный поспавленія Германцевъ и другихъ Государствъ Европы не всѣ ли дышатъ жестокостію? И въ нашей Русской Правдѣ и Судебникѣ какія положены наказанія? Часто смертная казнь, а болѣе уродыванія: усѣченіе рукъ, пальцевъ, опрѣзаніе ушей, выкаланіе глазъ, чшобъ ужасать безпрестанно при каждомъ взорѣ и самое воображеніе. И эшаго, полагаютъ, претовала необходимость: грубый народъ можно только страхомъ содержать въ повиновеніи, и жестокими наказаніями преступленій вести его нравственностъ къ усовершенію. Такъ говорятъ нѣкоторые Полипики. Но чшо въ одномъ Государствѣ произведеть благодѣшельныя слѣдствія; въ другомъ часто сдѣлается гибельно: — искра возгорится и не будетъ довольно силы, которая могла бы совершенно проливостояить спремленію народному, если ему дано постоянное направленіе. Правда, чшо народъ слишкомъ слѣдуетъ своимъ старымъ привычкамъ и обычаямъ предковъ; но когда ожеспочаетъ его, шю онъ дѣлается звѣрскимъ, и тогда очень шрудно удержатъ его въ границахъ. Конечно народъ Авинскій въ то время не могъ еще имѣть совершеннаго понятія о гражданскомъ устройствѣ; но чѣмъ онъ былъ образо-

ваннѣе, тѣмъ своенравнѣе, и тѣмъ пруднѣе было укропипъ его, попому чпо онъ имѣлъ всю еще силу грубоспи, и при многочисленности своей, опважноспи и хипроспи начальниковъ ему возможно было одержашъ верхъ надъ прочими сосипоянїями. Онъ слишкомъ чувспвовалъ свою бѣдность и притѣсненїя богатыхъ. Эпо пробудило его спраспи, а при живомъ направленїи оныхъ началось броженїе умовъ: волненїе, которое происходило на днѣ моря, показалось на поверхноспи: власпъ Архоншовъ и законы Драконовы сдѣлались слабыми оплошамп, пропивъ возмущенїй разгориченнаго уже народа. Онъ спребовалъ новаго политическаго преобразованїя, и для того вручилъ судьбу свою Солону. Сей Законодатель опчаспи исполнилъ надежды Аеннннъ. Угождая знатнымъ — онъ учредилъ, чпобъ правленїе находилось ополько въ рукахъ имѣющихъ опредѣленные доходы; соспавилъ изъ нихъ Сенапъ, и власпъ его пропивуоспавилъ власти Архоншовъ, а обопмъ сдѣлалъ преграду къ злоупотребленїямъ выборомъ Эфоровъ. Угождая народу — онъ уничтожилъ его долги, и ввелъ, чпобъ всякой имѣлъ право брапъ аппелляцію на рѣшенїя правительспвъ къ народу, уменьшпвъ его влїянїе ополько тѣмъ, чпо уве-

личиль силу Ареопага. Но народъ всё еще былъ недоволенъ: спраспти его скоро возгараются — удовлетворивъ одному желанію, ускоряешь другія прѣбованія, и онъ домогался новаго раздѣла земель. Солонъ спрашилъ сего, опасаясь еще болѣе раздражпть богатыхъ, копорые сильно негодовали на уничтоженіе долговъ, и чтобъ успокопть умы, осудилъ себя на добровольное удаленіе изъ опечеснва. Но спраспипи уже прпведены были въ сильное движеніе — удаленіе Солона не подѣйснвовало, — возспали партіп: народъ спремился достигнуть Демократіп, вельможи Олигархіп, а купцы думали болѣе обезопаспть свое состояніе правленіемъ смѣшаннымъ. Ни что не было въ согласіп: всё полпшическое пѣло Греціп попрысалось судорожными движеніями. Среди сего боренія умовъ и различныхъ выгодъ Пизиспратъ дѣлается начальникомъ партіп народной: обольспивъ чернь, рассыпая богатспснва свои и забавляя ее сладкозвучными словами свободы и равенспва, онъ умѣлъ пріобрѣспти любовь народную, — хпспрость его оковала умы, и онъ успѣлъ захвапспть верховную власпть, успокопль волненіе и заспавпль забыпть шпранспво Олигарховъ.

Вошъ ходъ всѣхъ почпипи правленій :

все обращается около одного центра. Если Монархія устроена не на прочномъ основаніи, если Государь допуститъ уменьшить власть свою, то богатые ее захватываютъ, появляется Олигархія — шираны, народъ приходитъ въ большую бѣдность — слонетъ и наконецъ теряетъ терпѣніе, рождаются бунты и онъ кровію своею покупаетъ Демокрацію; но свобода безъ особенныхъ обстоятельствъ продолжается очень не долго и бываетъ болѣе только на словахъ — производя паршіи, являющіяся честолюбцы и среди раздоровъ возносящая на верхъ самовластія. Тогда Государство отдыхаетъ, — бури утихаютъ и оно успокаивается. Но малое поприженіе, особливо въ отношеніи къ нравамъ, можетъ разбудить опять прежній духъ народа, если онъ уже пріобыкъ къ волненіямъ. Такъ случилось въ Афинахъ: Гиппархъ и Гиппій были преемниками Пизистрата. Первый оскорбляетъ честь гражданки — прошивъ ихъ поспѣшь составляетъ заговоръ. Гиппархъ убитъ, Гиппій спасается, и, умерщвивъ друзей своихъ, думаетъ поддерживать себя жестокостію, убійствами. Народъ цѣпенетъ; — тысячи удаляются изъ опечесства; переходя къ Спарпанцамъ и возбуждаютъ ихъ къ войнѣ про-

пивъ Аѳинянъ; завладѣвъ всею Аппикою было цѣлю Лакедемона. Онъ объявляетъ войну Аѳинянамъ — дѣши Гиппія попадающа въ плѣнъ, и сей за свободу ихъ соглашается оставитъ ипронъ, и чрезъ десять дней удаляется изъ Аппики. Миръ заключенъ. Аѳины дѣлаются Републикою. Съ сего времени все начинается возвышающа: каждой день энтузіазмъ рождающъ геройскія добродѣтели, каждый шагъ ознаменовывается любовію къ опечеству, каждой порывъ сердца посвящается его благоденствію, усовершенствуются искусства, разкрываются дарованія, являются Полководцы, Философы, Орапоры. Гдѣ вы священныя тѣни Ѳемистокловъ, Сократовъ, Демосфеновъ? Пройдутъ тысячелѣтія и потомство не преспанетъ вамъ удивляюща. Гдѣ тѣ славныя памятники искусствъ, копорые, очаровывая современниковъ, вливали въ душу ихъ пламень любви ко всему прекрасному, заставляли забывать себя и жить для блага опечества? Сохранившіеся оспанки ихъ изумляютъ самый Геній.

Взоръ наблюдателя-Историка останавливается при изысканіи причинъ всѣхъ сихъ происшествій. Чпо болѣе имѣло вліянія на происхожденіе Аѳинской Респу-

блики? Въкъ Поэзіи: разкройте Мифологію, вникните въ ея вымыслы — сами ихъ боги вездѣ присуществуютъ съ людьми; — прочтите Гомера, Гезіода, Пиндара — не раждають ли они умоизступленія? Счастливыи климаты, пыльное воображеніе Аѳинянъ безпрестанно возобновляли въ нихъ понятія о золотомъ вѣкѣ, столь прелестно описанномъ Спихотворцами. Они вѣрили въ его существованіе. Самый характеръ ихъ, образованныи искусствами, и способы жизни веселой, умѣренной, были болѣе согласны съ республиканскимъ духомъ правленія. Что его поддержало? Война съ Персами: всё опъ того было въ движеніи и направлено къ одной цѣли. Борьба сія соединяла умы и сердца пвердымъ союзомъ: всё приносилось на олтарь опечесства, которое было божествомъ. Слишкомъ чрезъ цѣлые полвѣка нѣсколько десятковъ тысячъ Грековъ выдерживали напикъ огромнѣйшей Имперіи, попрали честолюбіе Ксеркса; пматысячные его Легионы разсѣяны, побѣждены, и Греція вознеслась на верхъ величія. Чувство свободы, независимости одушевляло ее, и могли тогда съ торжесствомъ гремѣть цѣни чуждаго порабощенія. Буря войны сей промчалась; казалось, что съ пѣмъ наспу-

пиль счастливой вѣкъ для Аѳинъ; но они не могли долго наслаждаться подъ ипріумфами побѣдъ своихъ: нравы ихъ начинають поршиться, роскошь заспуаеть мѣсто проспошы, и доблести ихъ исчезають. Прежде они соединили усилія свои пропивъ народовъ чуждыхъ — не стало враговъ, они заводяшь междуособія. Въ самый цвѣтущій и блистательный періодъ искусствъ, Перикль краснорѣчьемъ своимъ возжигаеть въ сердцахъ Аѳинянъ давно скрывавшуюся зависль къ Спаршанцамъ; — маловажныя распри служашь поводомъ къ объявленію войны, и тогда, какъ уже были распроены имъ общественные финансы, онъ избѣгая отчета, продолжаеть ее со всѣмъ усиліемъ, которое въ послѣдствіи сдѣлалось причиною гибели свободы Аѳинянъ. Но они въ то время переспали уже питають въ себѣ благородныя ея побужденія: изнѣженность, духъ мечтательности увлекаль все за собою; развратъ простерся до безстыдства, никто почти не хопблъ думать о дѣлахъ общественныхъ: одни зрѣлища и театръ занимали всѣхъ — Аѳиняне сдѣлались рабами спраспей своихъ. Спаршанцы ихъ побѣждаютъ, и поставляють надъ ними иридцать иширановъ. Тразивуль рѣшаеця возвращишь вольность Аѳинянъ:

произведенный имъ переворотъ въ нѣсколько недѣль, стоилъ болѣе крови, нежели сколько пролило во все время войны Пелопонезской; — возобновлено прежнее правленіе; но это основаніе поддерживало уже совершенно вѣхое зданіе. Не было нравовъ, и всѣ усилія не могли оживить умирающей свободы Республики Аѳинской.

Спарта представляеть единственное явленіе въ Испоріи народовъ. Тамъ Ликуръ привелъ въ исполненіе умоначертанія, которыя всегда казались мечтами. Искоренить зло, спраспимъ дасть направленіе соопвѣтственное цѣли его учрежденія — доставить равное наслажденіе собственности, положивъ оное въ умѣренности, воздержаніи, возбудить геройской духъ къ добродѣтели, непонятное мужество въ прудахъ воинскихъ и на поприще жизни, поселить любовь къ опечестиву, уничтоживъ и причины къ расплѣнію нравовъ: изгнать богатства, запрешить сообщеніе съ народами чужеземными, учредить общіе столы, бесѣды, словомъ, сдѣлать все общимъ и самыхъ дѣшей: побѣдить челоѣка естественнаго и сотворить гражданъ; — вошь до чего достигъ умъ одного челоѣка. Аполонъ законы сїи призналъ своими, — эпо уменьшилъ препяшпствія для Ликурга, ко-

порой согласовался съ понятіями народа, и, производя перемѣну въ нравственности и гражданскомъ устройствѣ, онъ ославилъ прежнія народныя собранія, утвердилъ большее почтеніе къ богамъ и Царямъ, прошивопоставивъ только власти сихъ Совѣтъ 28 Спарѣйшинъ. Онъ зналъ, что и впечатлѣнія имѣютъ сильное вліяніе на дѣйствія души, и потому въ Спарѣхъ вездѣ находились памятники геройства: онъ далъ и Венерѣ въ руки копье. Это возбудило и въ Спихопворцахъ энтузіазмъ, прославляя одну храбрость воинскую: пѣсни ихъ воспламеняли и вливали потъ духъ неуспрашимой рѣшимельности, которая заставляла лучше перенести тысячи мученій и самую смерть, чѣмъ предаться поспыдному бѣгству — каждый Спартанецъ сдѣлался героемъ. Онъ шелъ съ шоржесивомъ на сраженіе, гдѣ слава вѣнчала его мужество.

Ликургъ, устройвъ всё, предвидѣлъ еще трудности поддержать свои учрежденія. Онъ зналъ силу спраспей, и рѣшился удалиться: народъ клянется слѣдовать его законамъ до самаго возвращенія, и Ликургъ приносилъ себя въ жертву опечестиву — видъ предѣловъ его добровольно умираетъ голодною смертію. Онъ уже не возвратится

ся — доблестивенные Спарпанцы содрогаются; но они клялись, — переломъ уже былъ сдѣланъ, время открываетъ еще болѣе мудрость Законодателя, любовь къ опечесству заглушаетъ прочія спраспи, и это утвердило на цѣлыя семь сотъ лѣтъ постановленія Ликурга.

Между тѣмъ какъ Спарпанцы, изгнавъ науки и что можеть питать самлюбіе, исполняли дѣянія мужесства, прочіе Греки спарилась распроспранить и усовершенствоватъ все, что способно возбудить спраспи и любопышество. Оно родило въ нихъ сильное желаніе къ разкрышю семянъ наукъ и искусствъ. Египеть и спраны Воспока въ то время славились своимъ просвѣщеніемъ, и чудачпо опличившіе умы Греціи предпринимали свои пупешесствія. Таковы были первые Фалесъ и Пифагоръ. Но они привезли съ собою оппуда болѣе умоизспупленіе упонченной Месп. физики. Все что можеть произвспи разгоряченное воображеніе и избыпокъ знаній, вышедшихъ изъ границъ разума — это было ихъ ученіе. Они спарались объяснить непоспижимое: происхождение мѣра и вещей; — движеніе свѣшилъ небесныхъ, по мнѣнію Пифагора, производить пѣвнительную гармонію —

слѣянїе въ единство разнообразныхъ звуковъ; числа заключающѣя глубокую таинственность; божество его единица — пончайшій эфиръ и наконецъ цѣлая природа; души по смерти восходятъ въ Эмпирей, или ниспадающѣя и оживляющѣя живописныхъ — понятїя высреннїя, идеи великія. Но принесли ли они пользу человечеству, разогнали ли тьму невѣдѣнїя? Между тѣмъ не лзя не согласишься, что отвлеченныя умозрѣнїя довели сего Философа до открытїя многихъ Математическихъ истинъ, рѣшенїя и доказательствъ важныхъ Геометрическихъ задачъ и теоремъ, коихъ польза въ примѣненїи неисчислима. Умъ его, привыкнувъ наблюдать отношенїя вещей, сотворилъ другой умственной мїръ, гдѣ все не подвержено переменамъ — эпоформа, всегда существующїя.

Платонъ возвысился еще болѣе Пифагора — Республика его есть прекрасный идеальный мїръ. Онъ хотѣлъ соединить въ единство системы всѣхъ Философовъ, и числовою души всѣхъ своихъ учениковъ къ созерцанїю божественныхъ таинствъ. Онъ стремился ихъ вознести выше земнаго — здѣшнїй мїръ онъ представлялъ развалинами древняго, погруженными въ влажную стихїю. Учрежденная имъ Академїя

есть единственный образец въ лѣтописяхъ Испорїи. Великій человекъ поддерживалъ ее — съ смертію его она рушилась, и хотя оказала въ свой вѣкъ большое вліяніе, но строгость правилъ, съ копорыми принимали въ оную, была причиною немногочисленности ея послѣдователей. —

Сократъ желалъ бытъ болѣе полезнымъ людямъ, чѣмъ удовлетворялъ своему самолюбію въ созерцанїи отвлеченныхъ понятій. Онъ зналъ, что высшія познанія не столько нужны для общества, какъ чистая нравственность, и наставленія его заключались въ томъ, чтобы вѣрить Богу, слѣдовать добродѣтели. Онъ жилъ въ то время, какъ нравы уже были испорчены, и тѣмъ болѣе чувствовалъ необходимость таковыхъ правилъ. Его почитаютъ основателемъ Нравоученія. Но и прежде его семь Греческихъ мудрецовъ учили превосходнымъ началамъ нравственности: усматривать, что есть добро, имѣть въ виду всегда цѣль, хранить шайну, переносить обиды, употреблять съ пользою свободное время, не желать того другимъ, чего не желаешь себѣ, переносить великодушно несчастія, скрывать горести, все доброе и хорошее относить въ честь боговъ —

вопъ ихъ нравоченіе. Греки во время Солона и въ продолженіе войны Персидской слѣдовали симъ правиламъ, были мужественны, добродѣтельны, и могли быть свободными.

Поэзія и изящныя искусства родились въ Греціи еще гораздо прежде Философіи. Кто не знаетъ Гомера, Гезіода? Кажется, что тамъ дарованія росли какъ-бы сами собою и безпрестанно спорили въ превосходствѣ. Ни одинъ родъ искусствъ не оспался безъ усовершенія. Эзопъ положилъ основаніе Басни. Что можетъ сравниться съ натуральностію его разказа? Трагедія началась при Эсписѣ — Софокль, Эсхиль и Эврипидъ ее усовершенствуютъ. Комедія при Сузиріонѣ — Аристофанъ и Менандръ дѣлають ее превосходною, — Поэзія Лирическая дышетъ воспоргами и упоеніемъ. Кто превзошелъ Пиндара, Анакреона? Музыка, живопись, ваяніе, зодчество все возводилъ на высокую степень совершенства: произведенія ихъ соединяють прелестъ съ неподражаемымъ изяществомъ Граціи. Кто споль славенъ какъ Орфей и Амфіонъ? Многіе ли сравнились съ Зевксисомъ, Парразіемъ, Апеллесомъ, Праксипелемъ?

Не одни изящныя искусства усовершенствовались въ Греціи: въ ней были и великіе Историки, Орапоры. Геродотъ и Фукидидъ всегда будутъ служить образцами въ повѣствованіи. Никпо споль краснорѣчиво не прогаешь и не убѣждаетъ какъ Демосѣенъ.

Что было главною причиною сихъ важныхъ открытій и усовершеній во всѣхъ родахъ наукъ и искусствъ? Что раждало въ Греціи безпрерывный рядъ великихъ дарованій? Олимпійскія игры. Тамъ цѣлая Греція рукоплесканіями ободряла таланты: пуда являлись Философы, чтобъ спорить и защищать свои мнѣнія, Историки восхищались разительнымъ повѣствованіемъ дѣяній предковъ, Орапоры прогали, Спихотворцы плѣняли и возвыщали душу. Всё шамъ возбуждало соревнованіе: получить вѣнокъ было сильнѣйшимъ стремленіемъ, самую лестною наградою. Тогда между равными, одни сполько дарованія имѣли право на преимущества.

Вопшь побудительная сила, копорая приводила въ движеніе всѣ умы Греціи; но она же самая, когда просвѣщеніе соврашилось съ истинной дороги, была причиною ея паденія. Всякой желалъ предспавить что-либо особенное, и новыя системы,

клонящіяся къ нарушенію стараго порядка, наводнили Грецію. Давно уже Арістиппъ училъ, что цѣлю всѣхъ дѣяній должно быть удовольствіе. Философъ поспавлялъ его въ добродѣтели, — послѣдователи въ угожденіи чувствъ. Наконецъ являюся Эпикуръ и Пирронъ. Первый оприцалъ боговъ, приписывалъ всё слѣпому случаю соединенія атомовъ, а другой хипросплетенными софизмами привелъ большую часть умовъ въ сомнѣніе о понятіяхъ утвержденныхъ вѣками. Какія гибельныя послѣдствія имѣло сіе ученіе? Оно плѣняя спраспти, сняло съ нихъ узду. Нѣтъ боговъ, кричали Греки, смѣялись надъ всѣми обрядами своихъ предковъ; — всё, почищаемое прежде священнымъ: Элисейскія поля, шаршаръ сдѣлались предметомъ забавной остропы; и послѣ сего могла ли долго въ народѣ существовать нравственность, когда онъ не боялся ни суда, ни воздаянія? Греки были счастливы своими заблужденіями — другое направленіе умовъ наполнило ихъ головы какъ бы нѣкимъ чадомъ: старыя мнѣнія сражались съ новыми, происходило сильное броженіе; но зараза распроспранилась, и ни что не могло удержатъ пошюка, которой низвергалъ всякую нравственность. Тщешно добродѣтельные воз-

спавали прошивъ испорченности нравовъ: корысполюбіе сдѣлалось всѣхъ богомъ, не спало связей родства; развратъ заступилъ мѣсто супружества, благодарности, любовь, дружба спали именами пуспыми; обманы, измѣна дѣломъ обыкновеннымъ. И послѣ сего могли ли Греки бытъ свободными? Филиппъ попеременно подкупалъ ихъ Орапоровъ, Правипелей, и прежде сраженія они уже всѣ находились подъ его властію. Съ побѣдою онъ подчинилъ ихъ, оставивъ имъ еще нѣкоторую мѣру вольности. Сынъ его, Александръ, покорилъ ихъ совершенно. И наконецъ страна сія была завоевана Римлянами.

Сниткинъ.

II. ВОСПИТАНІЕ.

О СОХРАНЕНІИ ЗДРАВІЯ ДѢТЕЙ.

Древніе болѣе всего желали друзьямъ своимъ *здравой души въ здоровѣ тѣлѣ*; и справедливо! Ни богатства, ни почести, ни познанія не могутъ сравниться съ здоровьемъ. Оно есть лучшее наследство, какое только дѣти могутъ получить отъ своихъ родителей; оно есть цвѣтъ нашей жизни. „Глубочайшая ученость и самое умоченное образованіе — говоритъ извѣстный Гупсъ Мупсъ — содержатся къ здоровью и крѣпости тѣла, какъ роскошь къ нуждѣ.“

Не безъ основанія утверждаютъ также, что отъ здоровья тѣла зависятъ и здоровье души. Всѣ наши умозрѣнія, всѣ наши чувствованія измѣняются отъ свободного или слѣшеннаго кругообращенія нашихъ соковъ, отъ живости или разслабленія нашихъ органовъ, отъ густоты и пияжести или отъ жидкости и легкости нашей крови. Свѣтъ кажется намъ раемъ или адомъ, люди — благодѣтельными ангелами или карашельными духами, жизнь — наслажденіемъ или несноснымъ бременемъ, смотря по тому, въ хорошемъ или худомъ состояніи находится наше здоровье.

По сей причинѣ какой благомыслящій отецъ, какая нѣжная мать не захочетъ обратить все свое вниманіе, всю свою заботливость на столь важную часть воспитанія — на здоровье дѣтей?

Счастливицъ младенецъ, если онъ можетъ найти первую пищу *въ груди нѣжной матери*, которая бы съ чувствомъ своихъ обязанностей соединяла въ себѣ крѣпость и здоровье. Счастливицъ онъ, если при самомъ началѣ употреблено будетъ *строгое смотрѣніе за няньками*; сіи часто, отъ безразсудной нѣжности къ плачущему робенку, обременяютъ его желудокъ жесткою, для варенья неудобною пищею, которая хотя и понуждаетъ его къ молчанію, но вмѣстѣ лишаетъ его силы, бодрости и даже свободнаго развитія душевныхъ способностей, что доказываются многими печальными примѣрами закормленныхъ дѣтей. — Природа не дѣлаетъ и не терпитъ скачковъ. Сего правила должно придерживаться и въ кормленіи младенца: мало по малу опучать его отъ груди, и давать ему сначала такую пищу, которая бы не очень отличалась отъ грудной: сухарную кашу, густой процеженной супъ изъ перловой крупы или сорочинскаго пшена, молоко смѣшенное съ водою и п. п.

О питаніи взрослых дѣшей замѣнимъ слѣдующее:

Къ преимуществамъ физической напуры челоѡѡка принадлежишь то, что онъ можетъ привыкнуть къ разнообразной пицѣ, не вредя своему здоровью. Чѣмъ ранѣе онъ ко всему пріучается, тѣмъ независимѣе будетъ въ послѣдствіи отъ вѣшняго положенія, отъ мѣста жительства, отъ продовольствія; онъ вездѣ будетъ сытъ и здоровъ. Чрезмѣрная разборчивость въ пицѣ, излишнее снисхожденіе къ прихотямъ дѣшей худое обыкновеніе награждать ихъ лакомствами, вообще болѣе вредны, нежели полезны, и потому должны бышь изгнаны изъ воспитанія. Простая, не очень праяная и соленая пища гораздо полезнѣе всѣхъ искусственныхъ, многосложныхъ яствъ, которыя легко могутъ распрощишь желудокъ. Прозябаемая приличнѣе для дѣшскихъ, мясо для зрѣлыхъ лѣтъ; но всего лучше, если: то и другое будетъ смѣшано въ надлежащей соразмѣрности. Жиръ, слоенныя и сахарныя пирожныя должно употреблять очень умѣренно, и даже лучше совсѣмъ не давашь ихъ дѣшамъ. Напрошивъ того зрѣлыя фрукты полезны для здоровья; ибо освѣжають и упончають соки.

Въ разсужденіи мѣры пищи не лѣзя положить общихъ правилъ. Надобно соображаться съ аппетитомъ; всякое преступленіе онаго влечетъ за собою болѣзнь, а иногда и самое отвращеніе отъ пищи. Впрочемъ полезнѣе уподаять голодь такимъ образомъ, чпобы по окончаніи спола еще оставался въ насъ нѣкоторый позывъ на пищу, нежели насыщаться какъ не лѣзя болѣе. Умѣренность въ семь случаевъ особенно необходима для тѣхъ, которые предопредѣлены болѣе къ сидячей жизни, или по крайней мѣрѣ не къ тѣлеснымъ упражненіямъ. Должно пріучать дѣшей къ нѣкоторому порядку въ пищѣ; здоровье ихъ много выигрываетъ, если они ѣдятъ не во всякое время. Для сего лучше придерживаться общаго правила: — обѣдать всегда въ полдень, за ужиномъ ѣсть не много и приномъ легкую пищу; ибо опяченіе желудка вечеромъ препятствуетъ сладости сна и можешь навлечь другія вредныя слѣдствія. За сполемъ ѣсть медленно, какъ можно болѣе разжевывая пищу, осперегаешь отъ горячихъ суповъ и соусовъ, и не очень много пинь, чпобы не раздробляшь желудочныхъ соковъ. Изъ напитковъ самой безвредный есть чистая ключевая вода; если ее употребляютъ и въ

большомъ количествѣ, по она полезна для пѣла. Молоко, особенно невареное, питаетъ и свѣжитъ кровь. Вино и всякіе горячіе напитки вовсе не годятся для дѣтей. Впрочемъ виноградное вино, смѣшенное съ водою, въ иныхъ случаяхъ полезно. Къ теплымъ иностраннымъ напиткамъ, къ чаю, кофею, шоколаду, пріучать дѣтей совсѣмъ не должно; они охотно промѣняютъ ихъ на свѣжее молоко, если не будутъ соблазнены примѣромъ своихъ сверстниковъ.

Воздухъ имѣетъ такое же вліяніе на здоровье, какъ и пища. Надлежитъ заблаговременно пріучать дѣтей къ перенесенію всѣхъ перемѣнъ его; чрезъ это они избѣгутъ несчастной зависимости отъ погоды. Лучшія для сего средства суть частыя прогулки, даже и въ самое ненастное время. — Особенное вниманіе должно быть обращено на *комнату*, въ которой пѣло младенца бываетъ подвержено первымъ дѣйствіямъ воздуха, — дѣйствіямъ важнымъ, можно сказать, рѣшительнымъ для его здоровья. Чѣмъ она выше и проветриваема, чѣмъ въ большей чистотѣ держатъ ее, чѣмъ чаще пускаютъ свѣжій воздухъ, и даже сквозной вѣтръ (въ отсутствіе дѣтей); чѣмъ болѣе отдаляютъ изъ нея сырость, уголья, — сію заразу воздуха, — и всякое куренье смолистыми

или другими сильно пахучими веществами, тѣмъ болѣе можно надѣяться имѣть вокругъ дѣшею здоровую атмосферу. Никакія курительныя средства не замѣняютъ свѣжаго воздуха. Самое благовоиѣе болѣе вредно, нежели полезно въ комнатахъ. Сильныя пары, особенно изъ распѣннѣй, ослабляютъ нервы и могутъ въ послѣдствіи причинить обмороки. По наблюденіямъ *Ингенгуса* самыя тѣ распѣннѣй, которыя при солнцѣ очищаютъ воздухъ отъ испареннѣй живописныхъ, порпятъ его ночью. И поэтому-то дыханіе утреннимъ воздухомъ гораздо здоровѣе, нежели дыханіе вечернимъ. — Для очищенія воздуха можно мѣшать уксусъ съ кипячею водою, или вѣшать губку напипанную уксусомъ. Впрочемъ не должно лишь уксуса на раскаленные уголья, камень или желѣзо; это производитъ вредный углекислый газъ. — Въ самую жестокою зиму полезно открывать окна на нѣсколько времени; дѣши, вдыхая въ себя чистый, свѣжѣй воздухъ, почувствуютъ благодѣтельную прохладу. Ничто такъ не вредно для тѣла, какъ чрезмѣрная теплота, особенно влажная. Посредствомъ химической операціи можно горячею водою въ заперенномъ сосудѣ размягчить кости до того, что онѣ превра-

пятыя въ жидкость. До какой же степени будетъ ослаблено пѣло дѣтяти, если оно большую часть своей младенческой жизни проведетъ во влажныхъ парахъ переполненной комнаты! — Чтобы соблюсти настоящую степень теплоты, столь полезную для здоровья, необходимо нужно имѣть въ дѣтской комнатѣ термометръ, и сдѣлать примѣтный знакъ на пятнадцатомъ градусѣ, дальѣ котораго теплота въ комнатѣ не должна простираеться.

Въ разсужденіи одежды замѣтимъ слѣдующее: 1) Чѣмъ дѣти моложе, тѣмъ болѣе избѣгать такого платья, которое спѣсняетъ ихъ свободное движеніе, испарину и развишье членовъ. Вся ихъ одежда должна быть легка, просторна и принаровлена къ каждому роду естественнаго движенія. 2) Если дѣти слабы, то платье ихъ должно нѣсколько соображаться съ годовымъ временемъ и погодою. Впрочемъ излишность и въ семъ случаѣ болѣе вредна, нежели полезна. 3) У здоровыхъ, сурово воспитанныхъ дѣтей голова, шея и грудь всегда могутъ быть открыты безъ всякой опасности. Укрывать же ихъ въ теплотѣ вредно; отъ того скопляются въ голоѣ соки, и производится насильственное испареніе, — источникъ кашля, насмор-

ка и проч. Дѣти бѣдныхъ часто ходятъ босикомъ въ самую холодную погоду, и ноги ихъ отъ того дѣлаются крѣпче; между тѣмъ какъ дѣти богатыхъ, забывъ иногда надѣть фуфайку, шинель или шубу, страдаютъ простудою. — Отъ чего же это происходитъ? — Отъ того, что благодѣтельный холодъ воздуха, коснувшись избѣженному тѣлу, не укрѣпляетъ, а простужаетъ его. — 4) Особенно во время сна не должно покрывать дѣтей слишкомъ теплыми одѣялами. Жесткой пюфякъ и легкое одѣяло гораздо предпочтительнѣе мягкой пуховой постели. Здоровыя дѣти совсѣмъ почти не заботятся, на чемъ ихъ положатъ спать. Даже избалованныхъ легко можно опучить отъ перинъ. Всякая новостъ для дѣтей приманчива; здоровый же сонъ скроетъ отъ нихъ всѣ неудобства жесткой постели.

Чистота составляетъ важную часть физическаго воспитанія. Она облегчаетъ испареніе, (посредствомъ котораго отдѣляются многія вредныя части и поощряется свободная дѣятельность всѣхъ членовъ), предохраняетъ отъ многихъ прилипчивыхъ болѣзней, способствуетъ красотѣ, свѣжести и здоровью кожи, даже всего тѣла. Для соблюденія чистоты надлежитъ какъ можно чаще перемѣнять бѣлье дѣтей, вся-

кую недѣлю провѣшривать ихъ постели и п. п. Но всего полезнѣе и нужнѣе въ семь случаевъ купанье. Объ ономъ можно сказать позже, что и о самой чиспотѣ. Польза его еще въ древнїя времена была дознана Греками и Римлянами, копорыхъ бани могутъ послужить образцами для позднѣйшихъ временъ. Тамъ находились пруды для плаванїя, особенныя мѣста для ристалища, борьбы, разныхъ игръ и проч. Употребленїю сихъ-то бань можно, кажется, приписать то, что Древнїе не знали никакихъ нервическихъ болѣзней, судорогъ, подагры, ревматизмовъ. — Въ разсужденїи купанья дѣшея должно примѣчать слѣдующее: для первыхъ двухъ лѣтъ прилична ванна теплая, для преньяго года — прохладная, для послѣдующихъ лѣтъ — холодная. Первая ванна должна имѣть степень теплоты парнаго молока; вторая — теплоту воды, находившейся долгое время въ комнапѣ; послѣдняя же — теплоту рѣчной воды въ жаркое лѣто (*). Опъ варенїя вода лишается лучшихъ частей своихъ; а потому для ванны надобно употреблять

(*) Извѣстный врачъ Маркардъ опредѣляетъ ванны такимъ образомъ: *теплую* между 96 и 85° по Фаренгейтову термометру, *прохладную* между 85 и 65°, *холодную* между 65 и 32°.

больше свѣжей, особенно рѣчной воды и не много горячей, чтобы придасть ей надлежащую теплоту. Лѣтомъ должно ванную воду прежде выставлять на солнце; ибо отъ солнечныхъ лучей получаетъ она не только умѣренную теплоту, но и силу, оживляющую тѣло. Купать дѣтей всего лучше поутру и ввечеру, сначала не болѣе семи или осьми минутъ, потомъ четверть часа, наконецъ полчаса; но не болѣе. При томъ осперегать ихъ отъ всякой простуды; по окончаніи ванны закутывать въ теплое одѣяло, вытирать какъ можно суше; младенцевъ зимою класать въ нагрѣтую постель, а взрослыхъ пускаать лѣтомъ на свѣжій воздухъ для движенія.

Движеніе сохраняеть благосостояніе всѣхъ пварей — говоритъ *Нейбекъ*. Не преняпспвуйте оному! — Вотъ наше искреннее желаніе всѣмъ родителемъ. Ничего не можеть бытъ пропивнѣе для здоровья малолѣпныхъ дѣтей, какъ сидячая жизнь; отъ нея-то многіе на весь вѣкъ свой остающіе слабыми. Безпреспанно носить ребенка на рукахъ почти не лучше, иногда и хуже. Позволипельнѣе впрочемъ возить дѣтей въ колясочкахъ; но и по сѣ величайшею осторожностію. Не надобно принуждасть ихъ спановипсья на ноги;

они сами собою будутъ по дѣлать, если почувствуютъ въ себѣ довольно силы. Пусть ихъ ползаютъ на коврахъ, играютъ, и п. п. Если дитя хочетъ спать на ноги, поспособайте ему, но при томъ берите его всегда за обѣ руки. Заспавляйте его дѣлать нѣсколько шаговъ отъ одного спула до другаго, маниште его въ свои объятія и награждайте за пруды поцѣлуемъ. — Но не принуждайте его; помните, что въ Природѣ все происходитъ постепенно.

Сонъ имѣетъ чрезвычайное влѣянiе на здоровье каждаго челоука, и еще болѣе на тѣлесное развитiе младенца. Чрезъ него-то особенно поощряется пищеваренiе и ростъ тѣла. — Продолжительный сонъ есть признакъ совершеннаго здоровья; но ежели онъ не природный, а произведенъ усыпительными средствами, тогда бываетъ очень вреденъ. — Малолѣтнихъ дѣтей ни въ какое время не должно отвлекать отъ сна, какъ скоро напура ихъ того пребуешь; взрослыхъ же можно пріучать къ нѣкоторому порядку, именно: чтобъ сонъ ихъ продолжался не менѣе шести и не болѣе осьми часовъ. Пробуждаютъ дѣтей не скоро, безъ сильнаго поприсенiя и шума. — Монтанъ будилъ своего сына нѣжными звуками флейшы. Для чего же и намъ не спо-

способствовать тому, чтобы дѣти наши оставляли сонъ съ пріятнымъ ощущеніемъ?

Въ разсужденіи образованія чувствъ замѣшимъ предварительно слѣдующее: — для сохраненія органовъ зрѣнія надобно стараться, чтобы свѣтъ падалъ на дѣти не косвенно, но прямо; чтобы поутру, послѣ сна, не очень скоро подводишь его къ огню; чтобы дѣтская комната находилась не противъ бѣлыхъ стѣнъ, которыя, отражая отъ себя солнечный свѣтъ, производятъ блескъ, очень вредный для глазъ. Чѣмъ дѣтя чаще можешь смотрѣть въ даль, тѣмъ острѣе дѣлается его зрѣніе. — Какое удовольствіе для человѣка, если онъ будетъ въ состояніи обозрѣвать различныя красоты Природы на обширномъ пространствѣ! — Ухо можешь быть заранѣе образовано посредствомъ чистой, простой мелодіи, особенно пріятныхъ дѣтскихъ пѣсень; посредствомъ нѣжныхъ, мягкихъ звуковъ нѣкоторыхъ инструментовъ. Дѣтя, слушающая ихъ, бываетъ занята пріятнымъ и полезнымъ образомъ, ибо чистая, сладостная музыка производитъ чистыя, сладостныя впечатлѣнія на душу младенца, и, можно сказать, заблаговременно приготовляетъ его къ эстетическому и нравственному образованію. — А потому желательна, чтобы

няньки умѣли пѣть разныя просныя пѣсни, число — безъ всякаго крика. Вообще зрѣніе и слухъ преобладаютъ гораздо больше, вкусъ и осязаніе — меньшаго образованія. Первые чувства принадлежатъ болѣе душѣ, послѣднія — тѣлу. Обоняніе находится въ срединѣ; но и оно относится болѣе къ нижнимъ, нежели къ вышшимъ способностямъ человѣка.

Дѣти должны имѣть занятіе, какъ скоро могутъ употреблять свои члены. Черезъ это они избѣгаютъ скуки, главного источника всѣхъ почти дѣтскихъ шалостей. До шестого года главное ихъ занятіе должно состоять въ тѣлесныхъ движеніяхъ и упражненіи чувствъ. Буквы, чтеніе, ученіе наизусть, и проч. не принадлежатъ къ младенческимъ лѣтамъ. Слишкомъ рано отвлекать дѣтей отъ живыхъ предметовъ и пріучать ихъ къ мертвымъ буквамъ — совсѣмъ не должно; ибо Природа въ самое это время занимается развитіемъ тѣла, и не перепишетъ, чтобы ей въ помѣхъ препятствовали, напротивъ еще ожидаешь отъ насъ всякой помощи. „Напрягать мысленную силу въ младенцѣ — говоритъ извѣстный врачъ *Штриве* — значитъ вредить его здоровью, похищать у тѣла лучшія силы; отъ того происходитъ недоспалокъ

въ пипательности, ростъ, худое пищевареніе, вредные соки, чрезмѣрная раздражительность и слабость.“ —

Всѣ наблюдатели дѣтской напурь согласны между собою въ томъ, что раннее напряженіе головы весьма вредно для пѣла и всего состава дѣтей. Напрасно думаютъ чрезъ то изоцрипъ умъ ихъ; напрошивъ онъ тупѣеть; это уже доказано многими примѣрами. Не должно опасаться, что дѣти отстанутъ въ ученіи, если по шестому году не будутъ умѣть читать. Дайте напередъ время свободно развиться ихъ умственнымъ способностямъ; чрезъ это они больше и скорѣе успѣютъ въ грамотѣ и во всѣхъ наукахъ. Напряженіе ума полезно только въ опроческихъ и юношескихъ лѣтахъ.

Въ дополненіе сей статьи скажемъ нѣчто о *періодахъ развитія*, которые, — если благоразумно наблюдать ходъ ихъ, весьма много способствуютъ здоровью дѣтей. Хотя всѣ лѣта дѣтства могутъ почестъся временемъ развитія; но въ нѣкоторыхъ періодахъ стремленіе къ оному бываетъ особенно сильно. Вся организація приходитъ въ движеніе, иногда въ столь необыкновенное, что кажется болѣзнію. Такой періодъ случается на второмъ году,

когда прорѣзываются зубы, и на седьмомъ, когда ускоряется ростъ. Въ это время, особенно же на второмъ году, дѣти страдаютъ отъ сильной раздражительности, отъ напряженія всей организаціи и происходящей отъ того слабости. Раздражительность оказывается въ свѣжестъ румянцѣ, въ принужденной живости, въ сильнѣйшемъ бѣненіи пульса. Слабость оказывается тѣмъ, что дитя отспаваетъ отъ другихъ въ бѣганіи, часто возвращается назадъ, даже иногда падаетъ отъ изнеможенія. Можно уменьшить раздражительность въ младенцѣ, не давая ему мясной пищи и разгорячительныхъ напитковъ, поступая съ нимъ оспорожнѣе и ласковѣе, словомъ — избѣгая всего, что можетъ возбудить спраспи. — Когда опасность миновала, то должно стараться скорѣе возстановить въ немъ прежнія силы; именно слѣдующими средствами: не принуждать его ни ходить, ни заниматься чѣмъ нибудь, содержать его въ умѣренной теплотѣ и какъ можно болѣе на открытомъ воздухѣ, всякой день купать его въ теплой ваннѣ и чаще тереть губкою, намоченною въ холодной водѣ; пищи перемѣнять не должно; выбирать только самую легкую и здоровую.

При таковыхъ попеченїяхъ младенецъ снова получилъ крѣпость и здоровье; снова почувствуетъ всю охоту къ занятїямъ, всё удовольствїе, всю радость жизни.

Здѣсь съ намѣренїемъ не входили въ подробности предложенныхъ правилъ; онѣ зависятъ отъ разныхъ обстоятельствъ, которыхъ самая опытность исчислишь не можешь.

Н... Р...

Ш. ЛИТТЕРАТУРА.

а) Изящная Проза.

ЕВРОПЕЙСКІЯ ПИСЬМА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Архимедъ говорилъ: дайте мнѣ почку внѣ земли, и я сдвину землю съ ея оси. Сохрани насъ Боже отъ таковой мысли! Но чѣмъ судить о современныхъ происшествіяхъ, нравахъ и вѣроятныхъ ихъ послѣдствіяхъ, должно мысленно перенестись въ другое время. Въ Европейскихъ письмахъ мы предполагаемъ, разсматривая событія, законы, спраши и обыкновенія вѣковъ минувшихъ, быспрымъ взглядомъ окинуть и нашъ вѣкъ. По сему мы мысленно переносимся въ будущее: Американецъ, гражданинъ сѣверныхъ обласпей путешеспируетъ въ 26 сполѣтїи по Европѣ; она уже снова одичала, и наблюдатель-спранникъ пишеть къ своему другу о прошлой славѣ, о прошломъ величїи, о прошломъ просвѣщенїи.

Кадиксъ. 1 Юля 2519 года.

Наконецъ я здѣсь, въ сторонѣ, изъ которой перелились въ нашу часть свѣ-

та рабство и просвѣщеніе, убійства, грабежъ, искусства и науки, инквизиція и кропкое Христово ученіе — я въ Европѣ.

Наше плаваніе было счастливо и начальникъ парохода, на которомъ прибыли мы въ Кадиксъ, увѣряетъ, что давно уже не совершалъ столь успѣшнаго пупи. — Вчера я представлялся старшинѣ нашей здѣшной Вашингтонской колоніи; онъ меня принялъ очень ласково и общалъ мнѣ дать проводниковъ во внутренность Испаніи, въ которую почти не возможно проникнуть, не подвергаясь величайшимъ опасностямъ. — Дикіе Гверилассы, единственные обитатели сей страны, переходящъ съ своими стадами изъ долины въ долину и подъ предводительствомъ отважныхъ апамановъ грабятъ мирныхъ Африканскихъ купцевъ и пупешественниковъ. Единственное средство предохранить себя отъ ихъ разбоевъ: у начальника ближайшей шайки брать провожатого, за котораго вносишь значительную сумму. — Я отправляюсь на слѣдующей недѣлѣ; теперь на досугъ перечитываю свои Испанскія и Португальскія книги. — Болѣе прочихъ обращаютъ на себя мое вниманіе Камозенсъ и пворецъ Донъ Кишота. Конечно первый далеко отстоитъ отъ Гомера, Виргилія

и нѣкоторыхъ Эпиковъ золотого вѣка Россійской Поэзіи; онъ по изобрѣженію и плану подражалъ; но оригиналь по своимъ смѣлымъ и дикимъ изображеніямъ, по своей рѣзкой и мрачной рисовкѣ. Онъ занимателенъ особенно для меня пошому, что описываетъ Индію, край, въ которомъ провелъ я молодость свою, въ которомъ обогатился обширными познаніями и чистую, прелестною Философією. Гордое презрѣніе, съ которымъ Поэтъ говоритъ объ Индоспанцахъ, показываетъ, что онъ не могъ предчувствовать будущаго величія ихъ; что онъ вовсе не имѣлъ понятія о древнемъ ихъ просвѣщеніи. Признаюсь, любезный другъ, что суевѣріе и жестокость, ознаменовавшія всѣ предпріятія Испанцевъ и Португальцевъ въ Индіи и Америкѣ, прошиворѣчаютъ понятію, которое мы, въ счастливой вѣкѣ нашъ, имѣемъ объ истинной образованности. Имена Кортеца, Пизарро и другихъ опустошителей взвѣшиваютъ имена Ласказаса, Ксименеса, Эмануила. Конечно теперешніе Испанцы не имѣютъ театра, на которомъ представляли бы драматическія произведенія Калдерона и Лопеца; конечно ни одинъ изъ апаманновъ ихъ не въ состояніи поспроить огромнаго Эскуріала; но въ за-

мѣну у нихъ нѣтъ шеперь Торквемады, нѣтъ коспровъ для людей мыслящихъ, нѣтъ цѣпей для народовъ свободныхъ и счастливыхъ.

П и с ь м о 2.

Древній Эскуріаль. 20 Іюля.

Замѣтимъ, что опасности и трудности въ опдаленіи намъ кажутся гораздо большими, нежели они вблизи и на самомъ дѣлѣ. Гверилассы, которыхъ мнѣ описывали такими черными красками, меня вездѣ принимали госпепрѣимно и дружески — и я шеперь живу посреди ихъ въ совершенной безопасности. Характеръ ихъ почти пошъ же самый, каковой былъ за боо лѣтъ предъ симъ. Гверилассъ сполько же гордъ, сколько предокъ его, древній Каспилянецъ.— У него поже богатство въ именахъ и шиплахъ: между добрыми паспухами, которыхъ госпепрѣимствомъ пользуюсь, множество Грандовъ, Дюковъ и Графовъ.— Мой хозяинъ Донъ Алваро Фернандо, Графъ де Мендора съ наслажденіемъ говоритъ о знапности своего рода и, не умѣя ни читать ни писатъ, чрезвычайно любитъ, когда я ему рассказываю о подвигахъ его предковъ.

Иногда, забывая чины и важность, онъ вскакиваетъ, обнимаетъ меня и говоритъ дочери своей: „Донна Анжелика! не угодно ли вамъ подоить нашу корову, чибобъ поподчивать жирнымъ молокомъ этаго добраго господина, который такъ хорошо знаетъ Исторію Королей Дона Карлоса и Дона Филиппа?“ —

Вчера я до самой полуночи бродилъ между развалинами Эскуріала. Событія минувшихъ временъ сопровождали меня. — Казалось, я видѣлъ предъ собою въ смутной высотѣ пѣни коварнаго Фердинанда и честлюбивой Изабеллы; Карла, который въ своей душѣ соединялъ души сихъ великихъ предковъ своихъ; ужаснаго Филиппа и несчастнаго его сына; Ксименеса, Альбы, Дона Жуана Австрійскаго. Они прошли мимо и я не замѣнилъ недоспойныхъ преемниковъ ихъ; — но вѣкъ Буонапарта пробудилъ меня. — Испанія, наводненная необузданными полчищами Мюрата; — минувное царствованіе Короля Іосифа; Испанія въ борьбѣ за свободу и независимость — за священнѣйшія права народовъ: великій и назидательный примѣръ для потомства! Холодный вѣтеръ, поднявшійся съ Сѣвера, прервалъ мои мечтанія; но я еще долго бродилъ, задумчи-

вый, между развалинами и чувствовалъ
ничтожность свою и всего земнаго!

П и с ь м о 3.

Кордова. 26 Іюля.

Въ Гренадѣ, между Маврами процвѣ-
тали науки, духъ рыцарства, благород-
ство и доблесть: нынѣ пасухъ переходитъ съ своими spadaми тѣ мѣста, гдѣ
нѣкогда мудрецы Арабскіе бесѣдовали съ
Философами Христіанскими; на бурныхъ ко-
няхъ, среди ристалища, могучіе витязи
Востока, бранные вои Запада летѣли другъ
противъ друга, сокрушали копья о грудь
железнаго противника и славили своего
Бога и обладапельницу души своей. Пѣвцы,
которыя служили образцами и наставни-
ками для Прованскихъ Трубадуровъ и Ме-
нептрелей Англїи, вмѣстѣ нѣжные и силь-
ные, передавали потомству имена побѣди-
телей и тѣхъ счастливыхъ красавицъ,
которыя властвовали надъ Героями. Гон-
зальвъ покорилъ Гренаду Фердинандову ски-
петру и — Мавры стали морскими раз-
бойниками, и Испанїя не воспользовалась
наслѣдїемъ ихъ прежняго просвѣщенїя. Влія-
нїе Арабовъ на характеръ Испанскихъ

Христіанъ , даже во время царствованія Домовъ Австрійскаго и Бурбонскаго, было велико и богато слѣдствіями. Испанцы всегда являлись въ Европѣ народомъ не-Европейскимъ : лѣносность , свойственная племенамъ Африканскимъ и Азіатскимъ, удержала ихъ на пути гражданскаго усовершенствованія и умственнаго образованія , не менѣе роскоши и нерадивости, порожденныхъ сокровищами обѣихъ Индій. Посреди Пиренейскихъ долинъ они и въ шестнадцатомъ и въ семнадцатомъ вѣкахъ были Бедуинами ; въ Толедо и Мадридѣ роскошными подражателями жипелей Смирны и Дамаска. Не смотря на духъ рыцарства и вѣжливости Европейскаго Дворянства, Гранды Испанскіе въ ревности не уступали Пашамъ Сиріи и Алджезиръ: дамы сердцецъ ихъ не иначе смѣли являться глазамъ народа , какъ въ покрывалѣ и въ сопровожденіи спрोगой Дуенны. Супругъ говорилъ съ супругою , какъ съ Царицею , но запиралъ ее какъ невольницу. Спросить къ удовольствіямъ и къ разсѣянности — другая черта, копорая въ Испанскомъ характерѣ сходна съ чувственностію и безпечностію Африканцевъ. — Испанецъ, точно какъ Мавръ и Негръ, страстный любитель пляски и музыки. — Мавры искони

любили сказки и рассказы въ спихахъ и риѣмахъ: Алкоранъ и Испорія Абульфеды опъ доски до доски написаны риѣмованными хорейми. Испанскія историческя народныя пѣсни — романсы — явное подражаніе симъ повѣшвованіямъ.

Письмо 4.

Кордова. 1 Августа.

Здѣсь много памятниковъ Арабской Архитектуры; я сравнивалъ ихъ съ моими рисунками развалинъ Эскуріала и нашелъ большое сходство между шѣми и другими. Все подтверждаетъ меня во мнѣнїи, что такъ называемая Готическая Архитектура, съ нѣкоторыми только измѣненіями, заимствована опъ Арабовъ. Единственная разница, которую я замѣтилъ между памятниками Христіанскаго и Мусульманскаго зодчества въ Испанїи, что круговая линия болѣе господствуетъ въ произведеніяхъ послѣдняго.

Я часто бываю на охотѣ въ дремучихъ лѣсахъ, которые окружаютъ городъ Кордову и которые отдѣляютъ владѣнія нашихъ поселенцевъ опъ необозримыхъ степей, простирающихся къ Сѣверу по всей

бывшей Гренадѣ. Люблю бродить въ сихъ дикихъ мѣстахъ, гдѣ вся Природа оживлена и говоритъ воображенію. — Вчера я заблудился. — Упомненный прудами палящаго дня, я искалъ приспаница, и съ наслажденіемъ преклонялъ слухъ на шумъ пустыннаго потока, котораго голосъ пробирался сквозь вѣтви и общалъ мнѣ отдыхъ и прохладу. — Я рвался сквозь куспарникъ и густопу сплещихся сучьевъ, и вдругъ увидѣлъ лазурь источника и надъ нимъ прелестное, чистое небо, которое во весь день являлось мнѣ, если можно сказать, только опрысками. — Надъ ручьемъ, на небольшой возвышенности стояли развалины Христіанскаго, величественнаго монастыря. — Вѣчное движеніе воды и вѣчное спокойствіе сихъ камней представляли разительную противоположность: я, казалось, видѣлъ всю вселенную въ сокращеніи; все временное человѣческое и все неразрушимое въ Природѣ. Шопоть воды заставилъ меня еще болѣе задуматься: я перенесся въ тѣ вѣки, когда сїи стѣны еще были обитаемы, когда опшельники, вольные и невольные, здѣсь спарались забыть все земное и жить Небесному. — Сколько здѣсь слезъ было пролито; это меня пробудило: я взглянулъ на раз-

валины, — онѣ были освѣщены лучами заходящаго солнца, котораго прелестный образъ сквозился сквозь вѣтви деревьевъ, осыпанныхъ розовымъ блескомъ; воды пылали; свѣтлая синева восточнаго неба улыбалась, и мѣсяцъ, въ видѣ легкаго эфирнаго облака, носился въ неизмѣримости. — Какъ прелестна и вѣчно прелестна божественная Природа! какъ малъ и превращень чловѣкъ, гордый и слабый! — Но я былъ упоенъ, и глаза мои съ благодарною слезою поднялись къ небу.

Вообще, сколько мнѣ кажется, обязанность всякаго мыслящаго выводить по возможности изъ всего заблужденія, въ которомъ большая часть нашихъ Испориковъ и Полиптиковъ въ разсужденіи мнимаго просвѣщенія времянь Вольпера и Фридриха. Сколько вещей, которыя бы должны въ семь разувѣрить всякаго! — Не говоря уже объ инквизиціи и пыткѣ, о гоненіяхъ на людей мыслящихъ, взглянемъ только на систему Меркантилистовъ, — на заблужденіе Физіократовъ, на то сопротивленіе, которое встрѣчаль Адамъ Смитъ даже и въ 19 столѣтіи своимъ простымъ и мудрымъ наставленіямъ; — взглянемъ на коварную полиптику Наполеона; на безпрестанныя нарушенія

равновѣсія и священнѣйшихъ правъ человѣчества; и мы, живи въ счастливое время, когда Полишика и Нравственность одно и тоже, когда Правительства и народы общими силами спремются къ одной цѣли, мы переспанемъ жалѣть, какъ нѣкогда жалѣли нѣкоторыя въ Европѣ о золотомъ Греческомъ періодѣ, — переспанемъ жалѣть о вѣкахъ семнадцатомъ и осьмнадцатомъ.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

ВИДѢНІЕ НА ГОРѢ ПАРНАССѢ.

У моихъ хозяевъ — былъ о святкахъ балъ. Прелестныя дѣвушки кружились по паркету съ гвардейскими офицерами; музыка гремѣла; богатое освѣщеніе придавала комнатамъ какой-то праздничный блескъ, какое-то праздничное веселіе. Опцы и матери, дядюшки и тетушки молодыхъ красавицъ и красавцевъ, плясавшихъ подъ громъ оркестра, сидѣли за зелеными столами; и важно и чинно играли въ боспонтъ. Слуги съ огромными подносами переходили изъ комнаты въ комнату, и съ учтивымъ наклоненіемъ головы подносили гостямъ лимонадъ и оржандъ; конфеты и варенья. Мнѣ запрещено танцовать; я въ боспонтъ не играю: не смотря на это, я принималъ живѣйшее участіе въ общей радости. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на танцы; съ наслажденіемъ примѣчалъ непритворное восхищеніе на открытыхъ лицахъ юношей и дѣвушекъ; попомъ подходилъ къ карточнымъ столамъ, всматривался въ черпы стариковъ и старушекъ, и тихо говорилъ самому себѣ: „и они когда-то были молоды!“ Изрѣдка общее вниманіе обращалось на маски, которыхъ появлялись вдругъ, чтобы споль

же скоро исчезнуть. Мы видѣли по Турецкаго Падишаха, котораго вель за длинный носъ его полосатый арлекинъ, по Нимфу Калипсо, а возлѣ неё благочестиваго опшельника, по Дѣтгена, который оспанавливался передъ всякою дамою и гасилъ изъ уютливости фонарь свой. Всѣ окружали ихъ; всѣ хотѣли узнать, кто онѣ; всѣ говорили: „это пошъ и пошъ! это така-то!“ — и всѣ, вѣроятно, ошибались. Мое вниманіе особенно обратила на себя одна маска. Она была составлена изъ нарядовъ всѣхъ почти временъ и народовъ: голова на пр: была украшена огромнымъ Французскимъ парикомъ временъ Людовика XIV; надъ парикомъ возвышался Германскій баретъ; лицомъ маска походила на добраго Русскаго крестьянина и опличалась окладистою, черною какъ смоль бородою, которая къ несчастію падала не на красную или синюю рубашку, но на рыцарскій круглой ворошникъ изъ вѣка Трубадуровъ; Англійскій новомодный фракъ былъ распегнутъ на распашку; Польскія, широкія шаравары находились въ спраннымъ противорѣчїи съ Греческимъ копурномъ и Римскою погою, предававшими цѣлому нѣчто чудовищное. На груди привидѣнїя было написано: *Русская Словес-*

ность. Маска пошла нѣжные и печальныя спихи, по хохотала, по бранилась, по плакала, по подходила къ дамамъ и шаркала не хуже Французскаго танцмейстера; по вдругъ начинала рассказывать сказку про Бову Королевича; по, принявъ на себя видъ строгій и неумолимый, заикаясь, повторяла меланхолическія нравоученія Ювенала и Персія; по, начавъ нескладнымъ Славяно - Варяжскимъ слогомъ рассказывать небылицы и были о Русскихъ Герояхъ и Царяхъ, внезапно спановилась краснорѣчивою, увлекательною, величественною въ своемъ рассказѣ: — казалось, слушаешь не Тацита, не Юма, не Мюллера, но мужа, равнаго имъ, попому что онъ не хотѣлъ быть ими. Тогда собирались вокругъ маски молодыя и старыя, удивлялись благороднымъ чертамъ и досадовали на шуповской нарядъ ея. Наконецъ незнакомецъ всталъ, тайноспвенно погрозилъ мнѣ пальцемъ и скрылся. Я еще нѣсколько времени пробылъ въ обществѣ; но было полночь, я началъ чувствовывать усталость и ушелъ къ себѣ, чтобы въ объятіяхъ Морфея подкрѣпить себя для новаго разсвѣтнія.

Какъ бы ни усталъ, я никогда не могу поспѣшь заснуть; чтобы приготоовить

себя къ ночнымъ видѣнїямъ и грезамъ, я обыкновенно, лежа въ постелѣ, что нибудь читаю. Въ эпошъ вечеръ нашель я на моемъ сполѣ извѣспныя Меркелевы письма о Нѣмецкой Словесности. Я раскрыль ихъ наудачу и мнѣ попалось видѣнїе, въ копоромъ, какъ увѣряешъ Авпоръ, онъ окинуль однимъ взглядомъ состоянїе всей погдашней Германской Липпературы. За чпенїемъ у меня мало по малу смыкались глаза, мысли мои мѣшались, свѣча догорала, я погасиль ее и уступиль влеченїю сна. Не знаю, что на меня сильнѣе по дѣйствовало, маска ли, или чпенїе; но я во снѣ видѣль что-то такое, составленное изъ того и другаго. Медики, можешь бышь, замѣпятъ, что это не свидѣтельствуетъ о слишкомъ хорошемъ здоровьи: ибо одни только больные, по ихъ мнѣнїю, видятъ во снѣ то, что съ ними случилось днемъ. Я не стану спорить съ сими господами; а только могу увѣрить васъ, любезный Читатель, что я проснулся на другое утро весель и здоровъ, и теперь расскажу вамъ, если только вспомню, всё, что мнѣ привидѣлось. Желаю, чтобъ мое сновидѣнїе, если вы мучимы безсонницею, имѣло бы на васъ такое же благотворное дѣйствїе, какъ на меня иногда и днемъ

имѣющъ свидѣнїя многихъ нашихъ молодыхъ Поэповъ и Прозаиковъ.

„Я увидѣлъ себя на огромной горѣ; взглянулъ и примѣшилъ, что она вся бумажная. Съ нее спекали ручки чернильные. Она вся была обсажена густымъ лѣсомъ: спранный видъ лиспьевъ заставилъ меня подойти къ одному дереву и я увидѣлъ, что каждый листъ его образовывалъ свою наружностїю букву: А. Это меня удивило; но вскорѣ я примѣпилъ, что каждое дерево покрыто было листомъ совершеннымъ подражанїемъ какому нибудь одному знаку Россійскаго алфавита. Вокругъ же всѣхъ тѣхъ деревьевъ, копорыхъ листья обрисовывали согласную букву, обвивалось растѣнїе, принадлежащее къ роду прозябенїи-пунедцевъ: оно занимало очень много мѣста и ни къ чему не служило: листья его совершенно были похожи на наше: Ъ.

Я углубился въ гущину лѣса, набрелъ на старый развалившійся сарай, и увидѣлъ надъ воротами большими золопыми буквами надпись: *Храмъ древности*. Здѣсь меня встрѣпилъ какой-то старикъ, копорой вызвался быть моимъ Чичероне. Поблагодаривъ его, я пошелъ за нимъ.

„Прежде, чѣмъ покажу вамъ наши рѣдкости, я познакомлю васъ со здѣшними

Геніями — хранилцями: “ сказалъ онъ мнѣ съ благоговѣніемъ, которое показалось мнѣ, не знаю почему, прищворнымъ.— Мы вошли на холмъ, превращенный съ довольно большимъ вкусомъ въ Олимпъ древнихъ. Изваянія всѣхъ почти боговъ Греческихъ и Римскихъ украшали пригорокъ: они были работы искусной и старательной; но къ несчастію ни въ одномъ не замѣнилъ я того величія, той прелести, той простоты, которыми удивляемся въ немногихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ Эллинскаго рѣзца; на всѣхъ статуяхъ было что-то повѣйшее, что-то принужденное. Тѣмъ болѣе удивило меня почтеніе, съ которымъ мой спарикъ преклонялъ колѣна передъ каждою; тѣмъ смѣшнѣе спало мнѣ, когда онъ вдругъ въ самыхъ пышныхъ спихахъ, въ самой надупой прозѣ началъ съ ними разговаривать. Замѣпивъ мое недоумѣніе, онъ сказалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: „не правда ли, видя восторгъ, въ которомъ нахожусь, вы не сомнѣваетесь, что всѣ эти боги живы, что я вѣрю ихъ жизни и всемогуществу?“ Вдругъ выскочилъ изъ-за куста лѣшій; онъ мнѣ точно показался живымъ, и по испугу, который пробѣжалъ по моимъ членамъ, заключилъ я, что рассказы моихъ покойныхъ няню-

шекъ на меня дѣйспвовали и дѣйспвуютъ гораздо сильнѣе красныхъ словъ и высокопарности моего Чичероне: *нянюшки сами вѣрили тому, тому хотѣли заставить меня вѣрить.*

Мы вошли въ домъ: спарикъ началъ мнѣ показывать свои рѣдкости. Первое мѣсто между ними занималъ огромный сундукъ; я очень любопытспвовалъ узнать, что въ немъ такое. Спарикъ отриорилъ его — и я увидѣлъ множеспво спарыхъ, писчихъ перьевъ. „Что это?“ — „Это? Это лиры — и по большей часпи золотыя. Слышите ли, какъ они поютъ?“ сказалъ спарикъ и показалъ мнѣ на кипы бумагъ, которыя лежали въ углу комнаты. Послѣ того я счелъ спарика сумасшедшимъ, а какъ не слишкомъ люблю быть съ сумасшедшими, по опрочепью выбѣжалъ изъ сарая-храма. Чичероне кричалъ въ слѣдъ за мною: „что вы бѣжите! меня зовутъ: *это принято!* я покажу вамъ еще много вещей занимательныхъ, оглянитесь: вотъ щипцы и шлемы новѣйшихъ героевъ; вотъ пули, которыя разжалованы въ спрѣлы! Съ вами желають познакомиться Иваны, Пепры, Васильи, произведенные въ Дѣоны, Дафнисы, Эраспы! Взгляните по крайней мѣрѣ на *Оекль*, на

Ташьянъ переименованныхъ въ Дориды, Аглаи, Темиры, въ Харипы, въ Венеры “ Слова его исчезли въ пространствахъ воздуха.

Я вышелъ изъ лѣсу и очутился на высотѣ Парнасса. Аполлонъ судилъ Русскихъ Писателей:

Первый мнѣ представился Неспоръ. Величественный въ своей простотѣ, онъ, казалось, и не думалъ о самомъ себѣ и пошелъ въ храмъ безсмертія, разговаривая съ Гомеромъ и съ добрымъ Геродотомъ. За Неспоромъ слѣдовала толпа монаховъ—Лѣтописцевъ: Аполлонъ на нихъ взглядывалъ, и ихъ образы, разливаясь по воздуху, исчезали; — Клію, не забывая происшествій, которыхъ они рассказывали, забывала имена ихъ.

Кіпо - по пасмурный и дикій, росту исполинскаго, съ русыми распущенными по вѣтру волосами, съ бородой всклокоченною, споялъ передъ Аполлономъ; въ лѣвой рукѣ его покоились Русскія гусли, правая прыгала по струнамъ: онъ пѣлъ, и голосъ его подобился по щекошу соловья, по завыванію бури; Аполлонъ взглянулъ на него и спросилъ Клію объ его имени. — Осіанъ подошелъ къ незнакомцу и надѣлъ

на него свой сосновый вѣнокъ. Слово о полку Игоря было опнесено въ храмъ славы и безсмертія.

Я увидѣлъ Козака Киршу Данилова. Онъ безъ всякаго предисловія началъ разсказывать Аполлону про Соловья Будиміровича, про гостя Терентьища, про Буслаева, про Дурня — Бабина, про Садка, про Князя Владиміра и богатырей. Сынъ Лапоны долго слушалъ, и наконецъ, что бы опвязасться опъ разскащика, прогналъ его — куда же? пуда, гдѣ онъ сидишь между Бюргеромъ и Шехеразадою, гдѣ Аріостъ и пворецъ Одиссеи иногда вслушивающся въ его болпаніе; — но я замѣнилъ, что нѣкоторые господа наши модные Писатели пожимали плечами и говорили: „Аполлонъ соспарблся! у него вкусъ испортился!“

За Даниловымъ полпа Малороссійскихъ Семинаристовъ начала осаждать судилище Аполлона: они говорили какимъ-то языкомъ, который былъ не Русской, не церковной, не Польской, но чудовищная смѣсь всѣхъ трехъ. То, что называли они спихами, было самая худая проза съ приемами; то, что называли ученостию — соединеніе самаго грубаго невѣжества и самаго глупаго педантизма. Богъ Поэзіи кивнулъ головою насмѣшнику Мому, — Момъ понялъ Апол-

лона, взявъ мешлу и началъ обметывать ошь этаго сора Парнассъ: Богиня забвенія защишила несчастныхъ ошь дальнѣйшихъ обидъ насмѣшника. Но нѣкоторыя знакомыя мнѣ лица блѣднѣли ошь досады и ошь страха, пошому что Момъ грозиль и имъ своимъ орудіемъ; а сверхъ того Забвеніе не хотѣло сжалиться надъ ними.

Когда толпа разсѣялась, мы увидѣли Князя Кантемира и Теофана Прокоповича. Они заговорили, и сынъ Лапоны наморщился, (онъ не дослышалъ, ему показалось, что это двое изъ прежнихъ Сармаповъ); но Кантемиръ къ счаспію не испугался и смѣло продолжалъ въ своей грубой римо-ванной прозѣ смѣяться самымъ живымъ, самымъ оспрымъ образомъ надъ всѣмъ до-спойнымъ посмѣянія, надъ ханжесствомъ и спѣсю, надъ глупоспію злыхъ и злобою глупыхъ. Аполлонъ слушалъ, слушалъ и заслушался; Момъ хохопалъ до упаду, а Минерва подошла къ Поэпу и пожала ему руку съ чувствомъ почтенія и признапельности. „Кантемиръ!“ сказалъ наконецъ Аполлонъ: „ты будешь забыть и безсмер-пешъ; ближайшее потомство, которое уважаетъ и цѣнитъ, можетъ быть, сли-шкомъ дорого чистоту языка и слога, за-будетъ тебя; но тебя будешь поминать

потомство отдаленное, для котораго важны мысли, важно вѣрное изображеніе нравовъ своего времени. Аполлонъ взглянулъ на Тредьяковскаго, зѣвнулъ и усмѣхнулся: бѣдный Тредьяковскій!

*„Ты славенъ сталъ числомъ своихъ
безславій!“*

Но и себя забудушь!“

Колмогорскій рыбакъ слѣдовалъ за Профессоромъ. Онъ началъ пѣть: богатая, роскошная гармонія очаровала мой слухъ; стихи величественные и сладостные, неизчерпаемое изобиліе въ словахъ и картинахъ, удивительная легкость, чистота и пареніе! Бесъ Парнасъ былъ очарованъ и превращился въ слухъ и вниманіе.

(Продолженіе впредь.)

БУМАЖНЫЙ НАПОЛЕОНЪ.

ГУМОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

— *Et nascitur ridiculus mus.*

Въ Нѣмецкомъ городкѣ, копорой мы — чпобъ никого не обидѣшь — назовемъ Вороньимъ Гнѣздомъ, большая часпъ жипелей была предана душею пирану, еще недавно обладавшему половиною Европы. — Старый Бургомиспръ Филцбейнъ былъ начальникомъ сей шолпы Бонапарписповъ. Прочіе обыватели соспавляли парпю усердныхъ папріосповъ, и главою ихъ почиспался помощникъ Бургомиспровъ Фиксель, чрезвычайный Вице-Писаръ городскаго казначейспва, рѣдкій оригиналь сумазбродспва, копорый однакожь слылъ украшеніемъ и Оракуломъ всѣхъ имениспыхъ гражданъ Вороньяго Гнѣзда. У Бургомиспра Филцбейна былъ заведенъ газетный клубъ, куда собиpались всѣ глубокоизученные и закоренѣлые полищики города. — Они однимъ взоромъ окидывали дѣла всей Европы, разрушали Царспва, основывали колоніи, спройали дороги, проводили каналы, —

словомъ, они ворочали всѣмъ свѣтомъ, сидя подъ кровлею полуразвалившагося сарая, превращеннаго въ кабинетъ чтенія газетъ и журналовъ. —

Въ одну Субботу — у Бургомистра было ученое засѣданіе; время пролетало въ жаркихъ полипическихъ спорахъ; пробило девять часовъ, — и почешные члены общества, опорожнивъ свои пивные поалы и докуривъ трубки, уже брались за шляпы и прости, — какъ вдругъ отворяющія двери кабинета, — отспавной Вахмиспръ Волькеншпаубъ входилъ въ собраніе. — Отъ успалости онъ едва волочилъ огромные свои ботфорпы, вооруженные предлинными шнорами и обремененные слоями грязи; крупный потъ, смѣшанный съ пудрою, градомъ капился изъ подъ распрепаннаго парика по багровому лицу его; весь видъ пришельца исполненъ былъ важной шайнственности. Почешные члены, съ робкимъ предчувствіемъ, окружили сухую фигуру трехъ-аршиннаго Вахмиспра; — они ожидали отъ него чрезвычайной новости. — Волькеншпаубъ, согнувъ длинныя колѣна, садился на треножный стулъ; шоска и задумчивость покоились на угреваломъ челѣ его. Взоры присушествующихъ успремились прямо въ широкій ротъ печальнаго

вѣстника. — „Такъ, почтенные слушатели, (говоришь Волькеншпаубъ), — я сей часъ только изъ главнаго города нашего округа, и принесъ вамъ новость — новость ужасную, которая нанесетъ погибель нашему опечесиву. Въ силу официальныхъ извѣстій, Наполеонъ улетѣлъ на воздушномъ шарѣ съ острова Елены, и съ крылатымъ войскомъ приближается къ Парижу; кровавая брань неизбежна.“ — Волькеншпаубъ замолчалъ. Члены клуба, раздѣленные на двѣ спороны, обнаружили противныя чувствованія: одни съ улыбкою Сашировъ поглядывали другъ на друга; но папрѣюшы скрежесали зубами и въ судорожномъ движеніи обрывали парики свои. Воцарилось глубокое молчаніе. Эта сцена достойна была Гогарповой кисти. —

Чрезвычайный Вице-Писарь казначейства первый прервалъ продолжительное безмолвіе. Онъ вскакиваетъ съ бѣшенствомъ съ вѣххаго сѣдалища, ударяетъ кулакомъ по столу — и огромный покалъ съ пивомъ опрокидывается на краснобархатное нижнее платье Бургомистра. Хотя разгоряченный Вице-Писарь причинилъ большой убытокъ Филцбейну, но минуша; въ которую угрожаешя свобода опечесива — стоила Фиксело дороже краснаго бархата Бургоми-

спра. Всѣ члены хватаются за проспи и шляпы, — Они поропяшя разсказатъ новостъ своимъ домашнимъ и знакомымъ, опромешью бросаюшя къ дверямъ, толкаюшя другъ друга въ узкомъ проходѣ; — тушъ обнаруживаешя взаимная ненависть обѣихъ парпій: начинаешя сраженіе. — Кулаки и палки ходяшъ по спинамъ полишиковъ, — и наконецъ полъ залы собранія усѣялся париками и разорванными шляпами героевъ. —

Фиксель первый выдираешя изъ разъяренной толпы и оставляешъ мѣсто бипвы. Обагранный носъ и два синіе полумѣсяца въ окреспностяхъ глазъ — были достапочнымъ свидѣшельспвомъ неуспрашимости Вице - Писаря. — Пришедъ домой, онъ цѣлую ночь мучился безсонницею; такъ сильно успрашилъ его побѣгъ Наполеона! — Лицъ только показались первые лучи солнца, — Фиксель проворно вспаешъ съ поспели, накидываешъ на плеча оспапки древней шубы своей, закуриваешъ трубку, и облокопясь на окно чердака, начинаешъ снова размышляшъ о побѣгѣ злѣйшаго непріятеля. Было Воскресенье. Послѣ обѣдни кто - то постучался въ двери уединенной комнапы Фикселя. — Съ сердцемъ онъ опвордешъ ихъ — и лѣпообразная Сусанна,

Бургомистрова горнишная, является взорамъ подкровельнаго жишеля. — Эпа дѣвушка была прїятельница Фикселю; она каждое Воскресенье ходила къ нему рапортовать о состоянїи Бургомистрова семейства, и никогда не возвращалась отъ него съ пустыми руками.

Съ любопытствомъ спросилъ у нее Фиксель: ну, моя милая, какую новостью обрадуешь своего друга. Я — отвѣчала прелестница — могу сказать тебѣ, что въ эту недѣлю всё шло по старому; только вчера случилось нѣчто необыкновенное. — Когда господинъ Бургомистръ возвратился домой изъ собранїя, — я находилась въ кухнѣ, — вдругъ слышу голосъ хозяина, который что-то говорилъ съ сердцемъ женѣ своей; я прикладываю ухо къ замочной скважинѣ и наконецъ поняла жаркой споръ ихъ. — Хозяйка говорила :

„Любезный Францъ — Гоплибъ — Фридрихъ — Августъ — прошу тебя — избавь насъ отъ Наполеона; теперь времена перемѣнились; что скажутъ добрые люди, когда узнаютъ, что врагъ рода человѣческаго находится въ нашемъ домѣ.“ —

Фиксель былъ внѣ себя отъ страха; казалось грома поразили лысую голову осполбенѣлаго Писаря.

„Ты лжешь, беззаконница!“ — „Господинъ чрезвычайный и полномочный Вице-Писарь городского казначейства! отвѣчала чистосердечно Сусанна — я ручаюсь головою за истину словъ моихъ.“

Фиксель, положа руки на спину, прошелся два раза вдоль всего чердака; глаза его пылали мщеніемъ. Онъ остановился, и — какъ вдохновенный пророкъ — произнесъ слѣдующія слова :

„Пламенники Туискона освѣщаютъ меня; великая дѣва вѣщала правду. — Бургомисטרъ есть подлый предапель своего опечесства.“ — Тупъ обратился онъ къ горнишной Фальцбейна — „Фридерика — Каролина — Эвфрозина — Сусанна Таубманъ, отъ сего мгновенія ты переспанешь спрадапель подъ ярмомъ низкой швоей породы. — Ты и шайна швоя есть собственность спасеннаго шобою опечесства.“

Бѣдная дѣвушка испугалась; она поняла слова Фикселя совсѣмъ въ прошивную сторону, и проклиная свою болтливосшь, со слезами падаепъ на колѣни передъ помѣшаннымъ наипрѣопомъ. — „Помилуйте Ваше Благородіе, господинъ чрезвычайный Вице - Писарь городского казначейства, сжалъшесь надо мною! — Ежели вы откроеше мою шайну, тогда хозиева выгоняшь ме-

ня изъ дому, и я въ вашихъ же глазахъ съ опчаянїя кинусь въ воду.“—, Ты не поняла меня, добрая дѣвица, — сказалъ Фиксель, — волосъ не сгинетъ съ головы твоей; — напрошивъ ты достойна величайшей награды. — Сядь и будь спокойна.“—

Сусанна не знала, что хочеть предпринять Фиксель, но чшобъ собраться съ духомъ, она подвинула къ себѣ деревянный опрубокъ, который служилъ табуретомъ великому Вице-Писарю, сѣла, и погрузилась въ задумчивость. Фиксель опворилъ дверь, и подошелъ къ лѣспницѣ, закричалъ внизъ громкимъ голосомъ: Викпорїя! Викпорїя! Черезъ нѣсколько секундъ является вышеименованная — кривая и хромоногая Викпорїя, — хранипельница сокровищъ Вице-Писаря. Фиксель подходитъ къ шкафу, вынимаетъ старый, запачканный кошелекъ, гдѣ находилось нѣсколько грошей, — кровныхъ денегъ убогихъ поселянъ, высосанныхъ этою приказною пїявицею.—, Викпорїя, — сказалъ Фиксель — сбѣгай на почтовой дворъ и найми двумѣстную повозку.“ — Кривая богиня побѣды взяла деньги, пустилась, какъ ушка, внизъ по лѣспницѣ, и въ поропяхъ разперяла башмаки свои. —

Между тѣмъ Фиксель, забывъ въ разсѣянїи присупсивїе молодой дѣвушки, раздѣлся спокойно въ глазахъ ея и началъ исправлять шуалепъ свой: забѣлилъ синїя пятна подъ глазами, не позабылъ также расчесать и оставшїйся опъ сраженїя клокъ волосъ на головѣ своей. Его продолжительной снарядъ наскучилъ Сусаннѣ. — „Господинъ чрезвычайный Вице - Писарь назначенъ, мнѣ нѣкогда дожидаться васъ; я не успѣю приготоовить кушанья, — припомъ боюсь, чтобъ супъ не выкипѣлъ изъ кастрюли; — а не по мнѣ достанется отъ хозяйки.“ — Тогда Фиксель вышянулъ передъ горничной и съ восторгомъ сказалъ: *O sancta simplicitas!* — Такъ говоришь между нами учеными. Ты наспоющая пастушка, любезная Фридерика — Каролина — Эвфрозина — Сусанна Таубманъ! Пусть перелопающя горшки у всѣхъ жипелей нашего города, — они не будутъ сегодня ѣсть супу. Ты не должна шеперь и помышлять объ эпомѣ. Такъ, великая дѣвственница! Имя швое возгремишь въ лѣтописяхъ Германскихъ, ты будешь безсмертна подобно Клеопатрѣ, Аннѣ д'Аркъ и Шарлоттѣ Корде, ибо намъ двоимъ суждено освободить Германїю и оковать цѣнями бывшаго ея ширана.“ — Добрая Сусанна жмурила глаза, зѣвала и ничего не понимала.

Вдругъ на мостовой зашкряпѣли колеса; предъ крыльцомъ Фикселева жилища явилась почтовая повозка. — Вице-Писарь сводишь съ почпеніемъ будущую освободительницу Германіи и предлагаешь ей возсѣсть на почтовую колесницу. — Сусанна захохотала во всё горло. „Господинъ чрезвычайный Вице-Писарь казначейства — сказала она — съ такой красавицей, какъ я, вы вѣрно не станете кашаться по городу.“ — Фиксель съ педантскою важностію обхватываетъ поперегъ великую изъ дѣвъ и сажаетъ безсмертную въ повозку. Рогъ почпильона раздался по воздуху; бичъ хлопнулъ по лошадямъ — и эшпафешъ поскакалъ за городъ. — Всѣ жители смотрѣли изъ окошекъ и удивлялись удалой головѣ Вице-Писаря, копорый, по ихъ мнѣнію, нашель себѣ доспойную подругу въ горничной Бургомистра. Никшо не могъ отгадать пайны, — и наконецъ, послѣ разныхъ гипопезъ, всѣ согласились, что Фиксель сошелъ съ ума. — Когда почтовая повозка пробѣжала мимо Бургомистрова дома, Фиксель, объятый восторгомъ, закричалъ Сусаннѣ: — „смотри, Героиня! — видишь ли — ширанъ сидитъ на голубяшнѣ; — онъ глядитъ на насъ изъ слуховаго окна.“ — „Кшо такой?“ — возразила Сусанна съ любопыт-

спвомъ. — „Наполеонъ!“ — шепнулъ Фиксель на ухо Сусаннѣ. Дѣвушка взглянула на верхъ, и сказала съ ошккровенностію: „Нѣтъ, нѣтъ господинъ Вице-Писарь! — я никого тамъ не вижу.“ — „Сусанна — Фридерика — Каролина — Эвфрозина Таубманъ! сказалъ папріотъ съ сердцемъ — ты есть слѣпая дура!.. И въ сію минуту повозка была уже за городскими воротами. Когда выѣхали въ поле, Фиксель толкнулъ своею проспью почпильона; сей повернулся на козлахъ, и Вице-Писарь обрапилъ къ нему слѣдующую важную рѣчь: „Сынъ мой! опусти возжи, спѣши къ своей цѣли; я дамъ тебѣ двойную сумму на водку; пусть издохнутъ твои лошади — бѣды не будетъ. Тебѣ достался высокій удѣлъ — быть посредственнѣмъ орудіемъ для спасенія опечеснва. — И такъ погоняй, спѣши, лети!“ — Послѣднія при слова Фиксель проговорилъ такимъ страшнымъ голосомъ, что почпильонъ содрогнулся, волосы поднялись у него горою и холодной потъ пробѣжалъ по его жиламъ; онъ подумалъ, что везетъ сумасшедшаго. Нечего дѣлать! бѣднякъ повиновался данному приказанію, и безъ пощады погонялъ кнутомъ клячь сухорѣбрыхъ.

Духъ великаго Фикселя носился въ

вышнихъ сферахъ, но добрая Фридерика-Каролина — Эвфрозина — Сусанна Таубманъ сладко покоилась въ объятїяхъ Морфея.

Послѣ короткаго времени достигли наконецъ главнаго города округа; Фиксель велѣлъ остано­виться передъ домомъ Директора Полиціи, и вышелъ съ Сусанною изъ повозки. На вопросъ слуги: „чего угодно?“ нашъ герой отвѣчалъ съ гордымъ видомъ: „скажи своему господину, что чрезвычайный Вице-Писарь казначейства изъ города Вороньяго Гнѣзда желаетъ переговорить съ нимъ о дѣлахъ опмѣнно важныхъ, никакой опсрочки не терпящихъ.“

Въ самое это время Директоръ Полиціи обѣдалъ. Слуга докладываетъ о просьбѣ прїѣзжаго Писаря. — „Скажи ему, что мнѣ теперь нѣкогда слушать его вранья; пусть его идѣтъ въ караульню и объяснится съ дежурнымъ.“ — Неперпѣливый Фиксель пришелъ въ немалое изумленіе, услышавъ опъ слуги такой отвѣтъ Директора Полиціи; но присутствіе духа не оставило его въ сїю крипическую минуту: онъ тотчасъ вытащилъ изъ кармана свою записную книгу, и скорою рукою набросалъ карандашемъ слѣдующее:

„Господинъ Директоръ Полиціи! Опечетство въ крайней опасности; престоль

Герцога, нашего всемилоспивѣйшаго Государя колеблешя; заклинаю васъ обязанноспію вашей службы, выслушайте меня въ сей же моменпъ, или я шопчасъ самъ побду въ резиденцію.“

Письмо опнесли къ Директору.—,Что — спросилъ Директоръ прочитавъ его, — не помѣшанъ ли онъ?“ — Почти такъ; — опвѣчалъ лакей съ усмѣшкою.

Любопытство побудило Директора Полиціи посмопрѣшь чудака. Онъ принялъ Писаря въ особой комнапѣ. „Господинъ Директоръ!“ — сказала Фиксель — Наполеонъ, всеспѣшный ширанъ, убѣжалъ съ оспрова Елены.“ — „О, я очень знаю эту сказку — опвѣчалъ Директоръ — у насъ даже спарыя бабы переспнали ей вѣришь; впрочемъ я не удивляюсь, что у васъ въ Вороньемъ Гнѣздѣ пакія бредни могли вскружить всѣмъ головы.

„Не бредни! — вскричалъ съ сердцемъ обиженный Фиксель — „Наполеонъ точно у насъ въ городѣ; нашъ Бургомиспръ, измѣнникъ досшойный всякаго проклятія, скрываетъ его у себя въ домѣ, и гдѣ же бы вы думали? — подъ кровлею — въ голубяшнѣ!“ —

Директоръ Полиціи выпарашилъ глаза, опступилъ на шагъ, и съ важностію

и негодованіемъ сказалъ Писарю: „государь мой! вы или съ ума сошли, или пьяны.“

„Извините господинъ Директоръ — подхватилъ Фиксель — я не сумасшедшій и не пьяница. Мнѣ ли не знать персону Наполеона! за принадлежаніе лѣтъ предъ симъ я видѣлъ его въ Іенѣ, когда онъ въ одномъ фракѣ входилъ въ потайную комнату; признаюсь, спрахъ заставилъ меня въ то время спряпаться въ каминъ; однакожь это не помѣшало мнѣ разсмотрѣть яснѣе лица ширана. О, я и теперь какъ будто на яву вижу его передъ собою! И такъ судите, могъ ли я ошибиться, когда сегодня проѣзжая мимо Бургомиспрова дома, увидѣлъ злодѣя въ слуховое окошко; онъ какъ сычъ выглядывалъ опшуда, и въ люпыхъ его взорахъ я поплчасъ примѣшилъ желаніе — опять поработить любезное наше опечество. — Но если вы, м. г., и при всемъ этомъ не хопите мнѣ вѣрить, — я привезъ съ собою случайную свидѣтельница въ особѣ Фридерики — Каролины — Эвфрозины — Сусанны Таубманъ, непорочной Германской дѣвицы; она стоить за дверьми.

Позвали Сусанну; она подтвердила слова Писаря. Директоръ Полиціи былъ умный и въ своемъ дѣлѣ особенно опытный

человѣкъ; невзначай онъ вспомнилъ при этомъ случаѣ изъ Бранденбургской Истории о самозванцѣ Вальдемарѣ, а изъ новѣйшихъ вѣдомостей о подложномъ Дофинѣ, которой проказничалъ во Франціи. Я увѣренъ — думалъ онъ, что Фиксель дуракъ и что Наполеонъ сидитъ спокойно на крысѣемъ острову; однако возможно, даже вѣроятно, что какой нибудь дерзкій мошенникъ, имѣя съ нимъ нѣкоторое сходство въ лицѣ, обманываетъ глупаго Бургомистра, и — если это правда — будетъ добрая ловля. — Пономъ Директоръ Полиціи говоритъ Писарю: „Послушайте, я отпущу съ вами одного храбраго служиваго, побѣжайте съ нимъ въ Воронье Гнѣздо, захватите Наполеона и привезите его сюда.

„Какъ, г. Директоръ!“ — воскликнулъ Фиксель — вы думаете, что съ однимъ служивымъ можно поймать нашего злодѣя? Да для эшаго надобно по крайней мѣрѣ отправить весь здѣшній гарнизонъ и выпребовать чрезъ курьера два полка изъ резиденціи. Я знаю своихъ согражданъ; они хитрые и дерзкіе бездѣльники; всевѣрный злодѣй вѣрно найдетъ между ними многихъ приверженцевъ, и кто знаетъ можетъ быть проклятой Бургомистръ

вздумаешь принять надъ ними команду , подобно тому Неаполипанскому рыбаку , которой назывался Мазанѣло , собственно Ома Анѣлло?“ Чшо вы на эшо скажете?“ . . .

Директоръ Полиціи отвѣчалъ хладнокровно: „Г. Фиксель! пожалуйста дѣлайте по моему , и не вдавайтесь въ сумазбродныя крайности; иначе выйдете по , чшо и ваша дорогая особа можетъ попастся въ непріятное для нее мѣсто. Я пошлю съ вами солдата , а вы исполните , чшо вамъ приказано.“

Съ сими словами онъ вышелъ изъ комнаты; Фиксель же , ударяя себя въ грудь , началъ слѣдующій монологъ: „И такъ великое дѣло близко къ началію; безсмертный подвигъ предстоитъ отважному герою Цахаріасу Амадеусу Киліану Фикселю , чрезвычайному Вице-Писарю казначейства; и хощя бы гибель его была неизбежна, — онъ падетъ славною жертвою любви къ отечеству , и грядущее потомство почиетъ его память.“

Фридерика — Каролина — Эвфрозина — Суанна Таубманъ спояла , и — по своему обычаю — зѣвала. Неподвижная , подобно Лоповой въ соляной сполбъ превращенной женѣ , она ничего не понимала , чшо происходило въ глазахъ ея.

Удалой служивый получилъ — съ краскою, но доспапочною инспрукціею — препорученіе провожать Г. Фикселя; и не перья времени, всѣ прое — Вице-Писарь, дѣвспвенница и спражъ благочинія — сбли въ повозку и отправились въ *Воронье Гнѣздо*.

Наши пупешеспвенники благополучно прибыли къ дому Бургомистра. Филцбейнъ осполбенѣлъ опъ изумленія, увидя бѣжавшую дѣвку свою въ сопровожденіи Вице-Писаря и полицейскаго служителя. Онъ хощѣлъ-было говорить, но Фиксель закричалъ на него спрашнымъ голосомъ: — „Франць — Гоплибъ — Фридрихъ — Августъ Филцбейнъ, недоспойный Бургомистръ нашего города, именовъ высокопохвальнаго и правосуднаго Правительсспа объявляю тебѣ моимъ ареспанпомъ и прежде всего шребую, чпобъ ты *stande pede*, сирѣчь, *не сходя съ лѣста* опдалъ миѣ ключъ опъ твоей голубяпни.“—

При сихъ словахъ спарая Бургомистрша падаешъ въ обморокъ. Жеспокая исперика, какъ вещь необходимая въ пакихъ прагическихъ сценахъ, — не замедлила посѣпипъ Г-жу Филцбейнъ; Сусанна бросилась помогашъ своей хозяйкѣ.

Несчастный Бургомистръ опъ спраху

не зналъ чпо дѣлашь; — онъ хопѣль-было оп-
решировапсь въ спальню жены своей; —
но разъяренный Вице - Писарь схватилъ
его за грудь и наспопашельно ипребоваъ
роковаго ключа. Бургомиспръ вынулъ его
изъ кармана и дрожащею рукою подаль
Фикселю.

„Сюда! сюда, господинъ блюспишель
благочинія!“ — закричалъ Фиксель — и
бросился опрометью на шаинспвенную го-
лубяшню. — Вотъ уже сыщики на черда-
кѣ; одна только перегородка опдѣляла опъ
нихъ добычу. Наспала рѣшипельная ми-
нуша. „Господинъ служивый, сказалъ Фик-
сель пихимъ голосомъ, шеперь весь успѣхъ
дѣла зависипъ опъ одной минушы. Надоб-
но напасъ на злодѣя въ расплохъ, чпобъ
не дашь ему времени образумипсь. Раз-
бѣгисъ изо всей силы и ударъ ногою въ
дверь; злодѣй оробѣепъ и безъ сопропив-
ленія опдасипся намъ въ руки.“ — „Но гос-
подинъ чрезвычайный и полномочный Вице-
Писарь казначейспва — опвѣчалъ служивый
— я не хочу лишипъ васъ чеспи-первому
начашъ ашаку на всесвѣпнаго врага.“
„Экой брашець! — подхвапилъ съ прусо-
спію Писарь, — развѣ шы не видишь, чпо
я въ башмакахъ? Твои шяжелыя бопшфор-
шы могушь съ разу сорвашъ дверь съ

пешлей, а эпо-по и нужно.“ — Хорошо! — сказала служивой, -- и пихимъ шагомъ пошеть къ перегородкѣ. -- „Ради Бога, что ты дѣлаешь? -- сказала Фиксель дрожащимъ голосомъ полицейскому, ухвываясь опъ спраху за полы его мундира. Но ударъ воспослѣдовалъ, дверь соскочила, и — вмѣсто бывшего обладателя Европы — взорамъ сыщиковъ представился деревянный болванъ, на копоромъ Бургомистерша въ спаринныя времена убирала парики свои. — Полицейской захохоталъ во всё горло; Фиксель, какъ громомъ пораженный, смопрѣлъ неподвижно на куклу; онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ и препенной рукою обхватывалъ еще Римской носъ деревяннаго Корсиканца.

Правду сказапъ, болванъ имѣлъ какое-то непонятное сходство съ фижіономією Наполеона; вѣпры и погода покрыли его смугло-желтымъ колеромъ, подобнымъ цвѣту лица всесвѣпнаго злодѣя.

Вице-Писаръ скоро образумился. „О! — закричалъ онъ полицейскому — однимъ разомъ дерева не срубишь; — поперпи не много. Врагъ почно скрывается въ этомъ домѣ; вспомнимъ только слова Фридерики-Каролины-Эвфросины-Сусанны Таубманъ, мы непременно найдемъ его.“ —

Сыщики опяпъ явились въ комнапѣ

Бургомистра. — „Измѣнникъ! — закричалъ ему Фиксель — выдай намъ злодѣя.“

Бургомистръ не понималъ, въ чемъ состояло прѣбываніе грознаго правосудія.

Полицейской объяснилъ ему слова и свидѣтельства Сусанны, и увѣщевалъ его сказать настоящую правду. Тогда-то разсѣялось недоумѣніе Бургомистра; онъ началъ мало по малу сбираться съ духомъ и наконецъ, по нѣкоторомъ молчаніи, сказалъ служившему Полиціи: — „милостивый государь! признаюсь, что робкая жена просила меня сбыть съ рукъ Наполеона, но она разумѣла бумажнаго.“ — „Бумажнаго!“ — закричали сысчики опъ удивленія. „Точно такъ“ — отвѣчалъ Бургомистръ — „я расскажу вамъ откровенно обо всемъ приключеніи. — Было время, въ которое не почиталось преступленіемъ имѣть въ своей комнатѣ изображеніе похитителя престола. — Тогда вздумалось мнѣ купить портретъ Наполеона и повѣсить его здѣсь надъ софою. Въ послѣдствіи обиспоясельства перемѣнились — и живели нашего города зашвыряли бы меня каменьями, когда бы узнали, что я держу портретъ ширана. Жаль мнѣ было расставаться съ карпиною, она сполла по крайней мѣрѣ шесть добрыхъ грошей, — а я и пфенин-

га не брошу даромъ. Наконецъ я придумалъ средство сохранить ее: досталъ у сосѣда портретъ Моро и закрылъ имъ Наполеона.“ Съ этими словами Бургомистръ снялъ со стѣны портретъ Генерала и показалъ сыщикамъ гравированнаго Эксъ-Императора. Полицейской смѣлся во все горло надъ глупымъ подвигомъ Фикселя; но Вице-Писарь казначейства находился еще въ полномъ присуществіи возвышеннаго своего духа. — „Вздоръ! — закричалъ онъ Филцбейну: — „какъ ты себя ни оправдывай; но достоинство измѣнника и предателя ошечества останется тебѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Это я докажу тебѣ по нижеслѣдующему пункту. Ты знаешь, что общій врагъ нашъ въ силу криминальныхъ, гражданскихъ и духовныхъ уложеній подлежалъ смертной казни; но какъ мы, жители Вороньяго Гнѣзда — не могли совершить оной на самомъ дѣлѣ, — по глава 35, страница 108, артикулъ 26, гласитъ намъ, что за отсутствіемъ злодѣя надлежитъ портретъ его прибавить къ безчестному столбу или къ висѣлицѣ. Ergo: кто сохраняетъ у себя тайнолицеписаніе врага нашего, тотъ есть измѣнникъ и достоинъ равнаго наказанія съ нимъ, конторой бы укрывалъ и самого пи-

рана. — Хотя ты не проходилъ Логикѣ и не былъ Вице-Писаремъ казначейства, однако можешь понять элютъ пунктъ.“

Проговоря сѣи слова, Фиксель срываетъ со стѣны Наполеоновъ портретъ и съ торжественномъ возвращаетъ къ повозкѣ.

За нимъ послѣдовали служивой и горничная Сусанна. Всѣ прое возсѣли на почтовую колесницу и оправились въ окружной городъ.

„Что добраго?“ — спросилъ Директоръ Полиціи у Фикселя. — „Побѣда! — побѣда! господинъ Директоръ! я какъ искусный Дипломатикъ и храбрый воинъ, всё дѣло окончилъ безъ кровопролитія.“ — „Да гдѣ же вашъ плѣнникъ?“

„Вотъ онъ!“ — сказалъ Фиксель, подавая Директору гравированный портретъ Наполеона.

„Господинъ чрезвычайный Вице-Писарь казначейства Вороньяго Гнѣзда — примолвилъ Директоръ съ досадою, теперь я вижу, что ты наспоющій осель!“

Такой комплиментъ очень не понравился нашему герою; онъ значительно взглянулъ на Директора, поклонился, и не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты. Сусанна послѣдовала за нимъ, плача на взрыдъ, бѣдняжка предчувствовала, что

получишь достойное вознагражденіе за свои слепни.

Посрамленный Фиксель съ важнымъ видомъ беретъ печальную дѣвушку за руку и говоритъ ей: — „не плачь героиня! великіе люди часто проводятъ жизнь въ презрѣннѣи и бѣдности; за то могилы ихъ почитаются священными. Мы не умремъ въ попомствѣ; имя Фридерики — Каролины — Эвфросины — Сусанны Таубманъ и великаго Вице-Писаря Цахарїаса Амадеуса Килїяна Фикселя начертаны будутъ на скрижаляхъ Испорїи.“ —

Сусанна, упирая слезы рукавомъ, внутренно проклинала сумасброднаго оратора.

Полицейскіе служители провожали съ громкимъ смѣхомъ великаго освободителя Германїи; но герой нашъ, презря насмѣшки низкой толпы, останавливается передъ домомъ Директора, грозно поднимаетъ вверхъ сучковатую прорось свою, и говоритъ съ жаромъ слѣдующее: „Такъ, господинъ Директоръ, пусть я буду осломъ; — однако ты долженъ письменно (in optima forma) съ приложенїемъ печати засвидѣтельствовать, что я — по крайней мѣрѣ — есть истинный папрїотическій оселъ.“

б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

УЗНИКЪ.

„За днями дни идушь, идушь
Напрасно!

Они свободы не ведутъ
Прекрасной:

Объ ней шокую и молюсь!
Ее зову — не дозовусь!

* * *

Смотрю въ высокое окно
Темницы;

Все небо свѣпомъ зажжено
Денницы;

На свѣжихъ крыльяхъ вѣшерка
Лепашушь вольны облака.

* * *

И такъ всѣ блага замѣнишь
Могилей!

И бросишь свѣпъ, когда въ немъ жишь
Такъ мило!

Ахъ, дайше въ свѣпѣ подышалъ!
Еще мнѣ рано умирашь.

* * *

Лишь мигъ весеннимъ бышемъ
Жила я!

Лишь мигъ на праздникъ земномъ
Была я!

Душа готовилась любитьъ....

И все покинуть, все забыть! —

* * *

Такъ голосъ заунывный пѣлъ
Въ темницѣ,

И сердцемъ юноша лепѣлъ
Къ пѣвицѣ.

Но онъ въ неволѣ, какъ она!

Межь ними хладная стѣна. —

* * *

И щепно съ ней онъ разлученъ
Стѣною:

Невидимую знаетъ онъ
Душою!

И мысль о ней и день и ночь

Опъ сердца не опходитъ прочь! —

* * *

Все видитъ онъ, во пѣмѣ она
Тюрѣмной

Сидитъ, раздумью предана,
Взоръ помной,

Младенческйй прекрасенъ видъ

И слезы падающъ съ ланищъ.

* * *

И ночью забывая сонъ,
 Въ мечтаньѣ
 Ея подслушивается онъ
 Дыханье,
 И на успахъ его горитъ
 Огонь молодыхъ ея ланищъ.

* * *

Таясь, спрѣданія однѣ
 Дѣлишь съ ней,
 Въ одной шемничной глубинѣ
 Молишь съ ней
 Согласной думой и поскою
 Опъ Неба участи одной.....

* * *

Вопъ жизнь его! другой не ждешь
 Онъ доли!
 Онъ, равнодушный, не зовешь
 И воли!

Съ ней розно жизни въ свѣщѣ нѣтъ!
 Прекрасенъ полько ею свѣщъ!

* * *

„Не пы-ль“ — онъ мнишь — „давно была
 Либима!

И не тебя-ль душа звала,
 Томима
 Желанья смупною поскою,
 Волненьемъ жизни молодой?

* * *

Тебя въ пророчесшвенномъ снѣ

Видалъ я;

Тобою въ пламенной веснѣ

Дышаль я;

Ты мнѣ цвѣла въ живыхъ цвѣпахъ,

Твой образъ вѣялъ въ облакахъ! —

* * *

Когда же сердце ясный взоръ

Твой вспрѣлпмтъ?

Когда, разрушивъ сей зашворъ,

Освѣлпмтъ

Свобода жизнь вдвоемъ для насъ?

Лепи, лепи желанный часъ! —

* * *

Напрасно! часъ не прилетѣлъ

Желанный!

Другой Создателемъ удѣлъ

Избранный

Достался узницѣ молодой,

Небесно-шайный, не земной!

* * *

Разъ слышишь онъ зашворовъ громъ,

Рыданье,

Звукъ цѣли, голоса....попомъ

Молчанье.

И ужась грудь его помпшь,

И щещно ждешъ онъ.....все молчпшь!

* * *

Увы, удѣлъ его рѣшень
 Угрюмый!
 На вѣкъ грядущаго лишень,
 Всѣ думы
 За ней онъ въ гробъ переселилъ
 И молишь рокъ, чѣтобъ поспѣшилъ! —

* * *

Однажды, — только занялась
 Денница, —
 Его со спухомъ расперлась
 Темница.

„О радость!“ мнишь онъ: „скоро къ ней!“
 И чѣтожь! свобода у дверей! —

* * *

Но хладно принялъ онъ привѣтъ
 Свободы:
 Прекраснаго ужъ въ мѣрѣ нѣтъ!
 Дни, годы

Напрасно будущъ проходишь:
 Погибшаго не ворошишь! —

* * *

Ахъ, слово милое о ней
 Кто скажетъ?
 Кто слѣдъ ея забытыхъ дней
 Укажетъ?
 Кто знаетъ, гдѣ она цвѣла?
 Гдѣ топъ, кого своимъ звала.

* * *

И нѣтъ ему въ семьѣ родной
Услады!

Задумчивъ, грустїю нѣмой

Онъ взгляды

Сердечные вспрѣчаетъ ихъ.

Онъ въ людствѣ сумраченъ и тихъ.

* * *

Наспанетъ день — ни съ мѣсца онъ
Безгласный,

Душой въ мечпанье погружёнъ,

Взоръ спраспный

Исполненъ смущаго огня,

Стоитъ онъ, голову сходя.

* * *

Но тихо въ сумракѣ ночей

Онъ бродитъ,

И съ неба темнаго очей

Не сводитъ:

Звѣзда знакомая намъ есть!

Она къ нему приноситъ вѣсть,

* * *

О миломъ вѣсть и въ мѣрѣ иной

Призванье;

И дѣлитъ съ тайной онъ звѣздой

Спраданье.

Ея краса оживлена!

Ему въ ней свѣпился она!

* * *

Онъ таяль, гаснулъ и погасъ!

И мнилось,

Что вдругъ предъ нимъ въ послѣдній часъ

Явилось

Все то, чего душа ждала —

И жизнь въ улыбкаѣ опошла.

В. Ж....

МЩЕНЬЕ.

Измѣной слуга Паладина убилъ:

Убийца завиденъ санъ рыцаря былъ!

* * *

*

Свершилось убійство ночью порой,

И трупъ поглощёнъ былъ глубокой рѣкой; —

* * *

*

И шпоры и лапы убійца надѣлъ

И въ нихъ на коня Паладинова сѣлъ.

* * *

*

И мосьтъ на конѣ проскокалъ онъ спѣшишь;

Но конь поднялся на дыбы и храпиль!

* * *

*

Онъ шпоры вонзаесть въ крупные бока,

Конь бѣшенный сбросилъ въ рѣку сѣдока! —

* * *

*

Онъ выплыть изъ всѣхъ напрягается силъ,

Но панцырь тяжелый его утопилъ! —

В. Ж....

Г Р О Б Ъ.

Страшно подумашь о томъ, какъ въ дос-
 кахъ гробовыхъ мы запремся!
 Жестко намъ будетъ лежать! одна лишь
 доска намъ постеля.
 Душно и тѣсно! тогда не для насъ уже
 явится солнце:
 Будетъ сѣять на гробахъ, но свѣтъ его къ
 намъ не прольется. —
 Червь по вѣнцу поползетъ, опъ вѣпру
 щепнувшись, спукнетъ
 Въ кровлю гробовую крестъ и тяжелой
 земли не сдержавши,
 Съ прескомъ развалился гробъ, и съ громомъ
 пропяжнымъ, подземнымъ
 Въ очи впалые прахъ, и въ усипа опвер-
 сные рухнетъ...
 Еслижь обмершій памъ былъ, о горе когда
 онъ очнется!
 Вспомнишь прѣтснва земли, и родныхъ,
 и друзей, и знакомыхъ,
 Не кому будетъ его упѣшать! онъ въ ужа-
 сѣ вдрогнетъ...
 Вспомнишь печальный топъ ходъ, какъ опи-
 ца провожали въ могилу,
 Вспомнишь мепалла вой и спрашное: *вѣз-*
ная память;

Схвапипть вѣнецъ со главы, и длинный
 свой саванъ опдернешъ,
 Спрахъ поднимешъ его, но нѣшь! онъ не
 вспанешъ несчастный!
 Духъ займешся въ груди, онъ гласомъ ужас-
 нымъ застонешъ, —
 Спонъ за могилу пройдетъ; но лишь вранъ
 на крестѣ вспрепенешся,
 Спранникъ опшоль побѣжитъ, и спрада-
 лець опъ глада, опъ жажды,
 Въ мукахъ тяжкихъ умрешъ, и ужасную
 смерть не узнаюшь. —

Н. Маркевичъ.

Э Л Е Г І Я.

(Къ Яхонтову).

Не мило мнѣ на новосельи;
 Здѣсь всё увяло, тамъ цвѣло!
 Одно и еспь мое веселье:
 Увидѣшь Царское Село!
 Цвѣпкку милѣй своя поляна,
 (Тамъ зналъ онъ радости однѣ!)
 Чѣмъ яркѣе края спакана,
 Гдѣ бѣдный, вянешъ на окнѣ.
 И пусть при свѣплой пишинѣ

Небесь проснувшихся — Свѣплана
 Не налюбуется цвѣпкомъ
 Въ высокомъ теремѣ своѣмъ ;
 Пусть окропитъ его слезою
 И будешь нѣжно прижимашъ
 Къ груди, нескрытой подъ фашою,
 Моля его — не увядашь —
 Увянетъ! — Я жь скажу прекрасной;
 Чло слёзы? сожадѣтъ напрасно!
 Не нужно было бы срываешь!

Баронъ Дельвиго.

КЪ СОСѢДУ.

Насталь блаженный часъ свиданья,
 Сосѣдъ любезный — обнимись,
 Забудь печали и спраданья
 И другу нѣжно улыбнись.

*

Какихъ же радостей ждаешь болѣе?
 Насъ рокъ не силенъ пиягопитъ: —
 Ахъ! — мнѣ съ тобою въ бѣдной долѣ
 Все можетъ дружба замѣнитъ.

*

Другой оправды мы не знаемъ,
 Для насъ съ тобою свѣтъ поспыль ;
 Форшунѣ вѣю не склоняемъ
 Съ мольбою шѣплой средь кадилъ.

Она людей не разбираетъ :
 Пятою давишь мудрецовъ ,
 Плутамъ сокровища ввбряетъ ,
 Въ шрїумфахъ возишь и ословъ ,

*

А мы живя уединенно
 Въ укромномъ домикѣ своемъ ,
 Проводимъ жизнь свою безсмѣнно
 Съ любовью, дружбой и виномъ .

*

Вельможа мощный, горделивый
 Къ намъ въ хану мирну не придѣлтъ ,
 Сосѣдъ спокойный и счастливый,
 Лишь дверь для бѣдныхъ ошопрѣтъ .

*

Мы съ нимъ, признамся, не способны
 Къ Князьямъ садиться подъ бочокъ ,
 Чшобъ въ часъ весѣлый и свободный
 За друга молвишь про чинокъ ,

*

Къ большимъ собраньямъ не при-
 спрашны ,
 Не ходимъ въ общества дремать ,
 Чшобъ время нужное напрасно
 Безщадно въ каршахъ убивать .

*

Шшловъ лишь по слуху знаемъ ,
 Не шремся къ нимъ въ почетный рядъ .
 Ахъ! мы съ сосѣдомъ не желаемъ —
 Творцомъ бытъ дюжинныхъ Шарадъ .

Безсмертье, слава обвѣщали;
 Не рѣдко пишемъ лишь поэтъ
 За то, чпобъ бѣднаго позвали
 На вкусный завпракъ, иль обѣдъ.

*

Приманки эпи не прельщаютъ
 Сѣдыхъ Философовъ—друзей;
 Они хопъ бѣдны — но не знаютъ
 Въ переднихъ шаркашъ — у Князей.

*

Не скоро съ знапью уживешия:
 Тупъ надо съ оспрымъ бытъ ушкомъ,
 Умѣнь—такъ потчасъ обожжешя,
 Будь проспъ—сочпуть всѣ дурачкомъ.

*

И пакъ, сосѣдушка мой милый,
 Оставимъ прихопъ лишь въ мечпахъ,
 Съ душой порочной и унылой
 Покоя нѣшъ и на парчахъ.

*

Забудемъ все безъ сожалѣнья,
 Пуспъ вѣкъ нашъ дружба усладипъ,
 И жизнь, какъ спихо сновидѣнья
 Безбурно въ вѣчноспъ улешипъ.

Г. Кругликовъ.

К О Ф Е.

Пусть другіе громогласно
 Славяшь радости вина:
 Не вину хвала нужна!
 Бахусь, не хочу напрасно
 Надъ пивоей потѣшь хвалою:
 О, шы славень самъ собой!

* * *

И шебѣ въ ней пользы мало —
 Даръ прямой самихъ боговъ,
 Кофе, некипарь мудрецовъ! —
 Но сколь многихъ воспѣвало
 Брашство лириковъ лихихъ, —
 Даже не спросясь у нихъ.

* * *

Жарь, воспоргъ и вдохновенье
 Грудь исполнили мою —
 Кофе, я шебя пою;
 Вдаль мое промчипся пѣнье,
 И узнаешь цѣлый свѣтъ,
 Какъ любилъ шебя Поэшь.

* * *

Я смѣюся надъ врачами!
 Пусть они браняшь шебя,
 Ревенемъ самихъ себя

И Лапинскими словами
 И пилюлями моряшь —
 Пусть имъ будешь кофе ядъ.

* * *

*

О напишокъ несравненный ,
 Ты живишь, пы грбешь кровь ,
 Ты ошрада для пѣвцовъ!
 Часто, риемой упомлѣнный,
 Самъ я въ руку чашку браль
 И воспоргъ въ себя впиваль.

Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

Д О Р И Д Ъ.

Въ Доридѣ нравяшся и локоны злапые,
 И блѣдное лице, и очи голубыя.
 Вчера, друзей моихъ оспавя пиръ ночной,
 Въ ея объятїяхъ я нѣгу пилъ душой;
 Воспорги быспрые воспоргами смѣнялись,
 Желанья гасли вдругъ и снова разгарались—
 Я паялъ — но среди невѣрной шемнопы
 Другїя милыя мнѣ видѣлись черпы;
 И весь я полонъ былъ шаинспвенной печали,
 И имя чуждое уста мои шепшали.

А. П.

М А Д Р И Г А Л Ы.

1.

Лаура милая! прости мнѣ заблужденье,
 Чшо цѣни я носилъ красавицы другой!

Я долженъ былъ узнать всѣ горести, мученье,
 Чшобъ лучше чувствовать блаженства рай
 земной!

* * *

Обвороженный взоръ другой красой прель-
 щался,
 Но сердце только ты одна могла павнить!
 Другую я любилъ, другую восхищался —
 Чшобъ научишься мнѣ одну тебя любить!

Съ Франц. А. Кулибинъ.

2.

Къ дѣвчкѣ, которая — на вопросѣ,
 какъ ее зовутъ — отвѣтала: не знаю,
 Не знаю! милое не знаю —
 О съ кѣмъ могу сравнить тебя?
 Не знаю я предпочитаю
 Всѣмъ тѣмъ, которыхъ знаю я.

Е. Баратынскій.

Э П И Г Р А М М Ы.

I.

Нашъ Бабушкинъ хорошъ и въ прозѣ и спи-
хахъ:

Вездѣ пріятное люблю, *увы* и *ахъ*!

Хоть право у него, не шрапя лишнихъ словъ,
Въ стихотвореніяхъ найдется много прозы,
А въ прозѣ, говорятъ, и болѣе стиховъ.

Гр. Х вѣ.

2.

Баринъ. „Иванъ! шелѣнка намъ зарѣжь пы,
поскорѣй;

Сегодня жду къ себѣ я прехъ Се-
крепарей.

Поваръ. Неужель цѣлую съѣдятъ они ско-
пину?

Баринъ. Дуракъ! — коль много всей — убей
хоть половину! —

Г. Кру . . . вѣ.

IV. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

О НОВѢЙШЕЙ МУЗЫКѢ.

Между изящными искусствами музыку, въ наспопящемъ ея видѣ, можно почесить младшею сестрою, попому что она образованіемъ и усовершенствованіемъ своимъ обязана исключительно новѣйшимъ временамъ. Древность въ разсужденіи музыки не оставила намъ ничего, кромѣ употребленія нѣкоторыхъ весьма не совершенныхъ инструментовъ и хорнаго пѣнія въ окладахъ, наслѣдство, по которому можно судить, въ какой бѣдности находилось тогда сіе искусство. Тщешно нѣкоторые поклонники древности покушались доказать преимущество ея музыки предъ новѣйшею: они доказали только свое приспрастіе и невѣжество. Что Тиртеевы пѣсни приводили Спартанъ въ изступленіе, — что Тимоѳеева лира плѣняла слухъ гордаго завоевателя — все это еще не убѣждаетъ насъ въ совершенствѣ древней музыки. Славный сочинитель теоріи изящныхъ искусствъ (*) говоритъ: „Я испыпалъ, къ моему собственному удивле-

*) Зульцеръ.

нiю, что самая неправильная, беспорядочная Турецкая музыка, или — лучше сказать — шумное музыкальное разногласiе, размѣряемое только ударами барабана, приводило меня въ какое-то живое ощущение, особенно когда я слушал издали. — Изъ сего примѣра можно заключить, какое сильное влiянiе на человека могла произвести правильная Греческая музыка, которая при томъ всегда соединена была съ Поэзiею.

Что повѣйшая музыка получила свое образованiе не независимо отъ древней, по видно изъ наспоющаго ея характера. Всѣ прочiя искусства болѣе или менѣе говорятъ разуму, одна только музыка дѣйствуетъ исключительно на чувство, и въ состоянiи воспламенить его до высочайшей степени снраснаго восторга. Но она вовсе не можетъ производить въ душѣ нашей логическихъ понятiй; свойство ея — возбуждать въ насъ ощущенiя непоспимыя, заключающiяся внѣ предѣловъ умственнаго мiра. — Въ самомъ дѣлѣ человекъ, способный чувствовать вполне красоты музыки, слушая ее иногда проливаетъ слезы умиленiя, иногда содрогается всѣми нервами; но можетъ ли онъ опредѣлить, что именно выражала музыка

въ эту самую мину? — Въ семъ отношеніи характеръ нынѣшней музыки — *тистый романтическій*, т. е. она не имѣетъ никакой связи съ *сущестующимъ*, но спремисся къ *неизвѣстному*, тому, что заключается въ *одномъ предчувствіи* человека.

Если мы сей романпическій духъ примемъ за существо насоящей музыки въ спрогомъ смыслѣ, то намъ ясно окажется, что Греки — копорыхъ образованіе было вовсе не романпическое, копорые вмѣсто того, чтобы спремисся къ неизвѣстному, обладали и наслаждались только извѣстнымъ, — не могли имѣть никакой музыки въ принятомъ нами смыслѣ. И дѣйспительно: ихъ музыка была произведеніемъ разума, ибо почипалась четвертою частью Математики; ей не доставало ни мелодіи, ни гармоніи. — Пвнѣе, — въ копоромъ преимущественно сосполя древняя музыка, — было всегда речипативное, слѣдовательно почти ничто иное, какъ декламація, положенная на ноты, съ наблюденіемъ только рита и такта. Вообще звукъ у Грековъ былъ только предметомъ Математики, — не Эстетики, подлежалъ разуму — не чувству. —

Скажемъ еще нѣсколько словъ для большаго различія между древнею и новѣйшею музыкою. —

Музыку древнюю, по ея монофонїи, можно сравнить съ одноцвѣтнымъ лучемъ безъ всякой игры и живости; музыку новѣйшую, по ея мелодїи и гармонїи, — съ искромешнымъ, живописнымъ пламенемъ, въ которомъ блистають всѣ цвѣты небесной радуги. Первая была рабою Поэзіи, служила только подкрѣпленїемъ декламациї; — послѣдняя есть самодержавное, могучее искусство, котораго обласнь неизмѣрима, дѣйствїя неизчислимы; все покоряется ея владычеству, все очаровывается ея магическою силою. — Наконецъ — если древность можетъ гордиться баснословными Орфеями, Амфіонами, — наши времена имѣють дѣйствительныхъ Гайденовъ, Моцаршовъ. —

Колыбель новѣйшей музыки есть Испалїя: тамъ первоначально развился и образовался романтической духъ, который одушевилъ музыку и Поэзію Европейскихъ народовъ, и — такъ сказать — соединилъ оба сїи искусства неразрывными узами родства. Рыцарство среднихъ вѣковъ — столь чудесное, столь разнообразное въ смѣси духовнаго и чувственнаго, наспоющаго и

идеальнаго, — было главнымъ источникъ романпическаго пѣснопѣнїя. Появились Трубадуры. Переходя изъ края въ край, опѣ береговъ Гвадалквивира и По до цвѣтущихъ странъ Лоары и Майна, они воспѣвали, подѣ звуками арфѣ и гитарѣ, любовь, обѣты и подвиги рыцарей. Поэзія ихъ открывала прелестный идеальный мїръ, одушевленный любовью, но любовью не вещественною: непонятнымъ влеченїемъ къ неизвѣстному, милому предмету, которое наполняло всю душу томнымъ, неоспнжимымъ предчувствїемъ. Сїя-то страсть, изливаясь въ пѣсняхъ Трубадууровъ, имѣла рѣшительное влїянїе на характеръ народной музыки пѣхъ странъ, въ копорыхъ процвѣтало рыцарство, и положила начало собственной поэпической *мелодїи*, копорая послѣ воцарилась въ Оперѣ.

Гармонїя (или четырехголосное созвучїе) происхожденїемъ своимъ обязана церковному пѣнїю. Сперва Христїане при богослуженїи употребляли древнюю музыку, принаровивъ ее только къ псалмамъ и гимнамъ, копорые пѣны были хоромъ въ одномъ тонѣ, либо въ октавахъ, безъ такта, по длинѣ или краткости слоговъ. Но вскорѣ почувствовали непрїятность такого пѣнїя; примѣнили, что причиною

тому пустота между двумя октавами, и поному старались пополнить сей промежутокъ другими созвучными голосами. Такимъ образомъ были изобрѣшены два среднїе голоса, (*) и гармоническое пѣнїе, неизвѣстное Древнимъ, явилось во всей простотѣ, во всемъ величїи, соотвѣтствующемъ храму Всевышняго. Но для блеска Капюлическаго богослуженїя такое пѣнїе оказалось недостаточнымъ; начали распространять, измѣнять и украшать дѣйствїя всѣхъ чепырехъ голосовъ, и подкрѣплять ихъ звуками органа, даже полной инструментальной музыки. Простое, безыскусственное излїянїе благоговѣйныхъ чувствъ уступило мѣсто фигурнымъ механическимъ дѣйствїямъ голоса и инструментовъ, часно обременительнымъ для слуха и вовсе неприличнымъ величїю богослуженїя. Злоупотребленїе просперлось

(*) Изобрѣшенїе гармоническаго пѣнїя нѣкоторые приписываютъ *Дунстану*, Архїепископу Кентерберскому († 988), другїе же, съ большею вѣроятностїю, Итальянскому монаху *Гвидо Аретинц* (Ареццо) жившему въ городѣ Равеннѣ въ началѣ XI столѣтїя. Онъ описалъ свое изобрѣшенїе въ книгѣ подъ названїемъ: *Micrologus*. По крайней мѣрѣ до сего сочиненїя нигдѣ не упоминается о чепвероголосномъ пѣнїи. Сей же Гвидо Аретинѣ изобрѣлъ употребляемыя нынѣ музыкальныя ноты.

наконецъ до того, что почти не спало никакого различія между спилемъ церковной и оперной музыки.

Въ главному существу романтическаго характера и самоспояптельность музыки принадлежишь по, что она, независимо ошь Поэзіи и челоѵческаго голоса, можетъ споль же сильно дѣйспвоовать на наше чувство посредспвомъ однихъ инструментовъ. Если церковная и оперная музыка должна — такъ сказать — слипаться съ Поэзіею въ одно значеніе, въ одно чувство, и нѣкопорымъ образомъ ограничипать свое самовласпіе; то чистая инструментальная музыка, не вспрѣчая никакихъ препонъ своему полету, какъ бы волшебною силою мгновеноно увлекаетъ насъ въ области беспредѣльнаго, таинспвеннаго царспва фантазіи. Тамъ нѣпъ ничего вещеспвеннаго, опредѣлишельнаго; всё носпшь на себѣ эмблему: „не постигай, наслаждайся!“

Такъ какъ инструментальная музыка произошла ошь подражанія вокальной, по изъ сего само собою объясняется, что сначала старались изобрѣспи такіе инструменты, копорые бы въ состояннн были лучше подражать челоѵческому голосу. А поспому вбропшо, что скрипка, какъ

главное музыкальное орудіе, изобрѣшена была новѣйшими народами прежде другихъ инструментовъ, кромѣ флейты, цитры и промбона, копорые доспались въ наслѣдство отъ Древнихъ, хотя не въ томъ видѣ и совершенствѣ, въ какомъ они теперь находятся. Скрипка вскорѣ опняла у флейты первенство, попому что своими звуками соспавляла болѣе противоположности съ голосомъ, между нѣмъ какъ мягкіе тоны флейты сливались съ нимъ и не удовлетворяли слуха. Чпобъ поддержать мелодическую игру скрипки, выдумали контра-басъ. Но между звуками сихъ двухъ инструментовъ оставался большой промежутокъ, копорый пребоавъ исполненія, и вскорѣ нашель его въ альтъ и вѣолончель. Такимъ образомъ произошла чепыреголосная инструментальная музыка, копорая своимъ согласіемъ, прѣятнымъ для слуха, казалось, совершенно удовлетворяла тогдашнихъ артистовъ. И дѣйствительно Испальянскіе компонисты до самой половины минувшаго столѣтія не чувствовали нужды въ другихъ музыкальных орудіяхъ, что доказываютъ ихъ сочиненія, въ копорыхъ кромѣ скрипокъ и басовъ очень рѣдко встрѣчается какой нибудь духовый инструментъ. Но со впорой

половины XVIII вѣка они начали къ упомянутымъ инструментамъ присоединять гобой и волпорну; флейпа же вообще никогда не уважалась въ Италіи, и потому рѣдко была употребляема въ оркестрѣ. Гобой, по его рѣзкому звуку, казался для композиторовъ весьма удобнымъ орудіемъ къ произведенію желаемыхъ имидѣйствій; принявъ его для подкрѣпленія высокихъ голосовъ, надобно было усилить и басы — именно волпорною. Сіи два духовые инструмента были достапочны для пополненія Итальянскихъ оркестровъ, и шѣмъ болѣе, что мелодическое пѣніе въ ихъ Оперѣ, имѣя въ самомъ себѣ полную качественную силу гармоніи, не требовало отъ инструментальной музыки большаго подкрѣпленія. Нѣмецкіе композиторы, — придавъ пѣнію гораздо болѣе великолѣпнаго посредствомъ количественной гармоніи, — начали употреблять въ своихъ оркестрахъ, кромѣ гобоя и волпорны, всѣ прочіе извѣстные духовые инструмента, смотря потому въ какой мѣрѣ внутреннее качество ихъ могло способствовать къ произведенію нужнаго дѣйствія. Напрошивъ новѣйшіе Французскіе композиторы и ихъ подражатели вдали въ крайность: стали при всякомъ случаѣ приводить въ движе-

нїе всѣ инспрументы, которые нару-
жнымъ количественнымъ ихъ дѣйствїемъ,
не прогая сердца, оглушаютъ только слухъ.
Сїе различїе въ употребленїи оркестра
ясно обнаруживается въ партитурахъ: въ
Итальянскихъ — нотъ мало, въ Нѣмецкихъ —
очень достапочно, во Французскихъ — слиш-
комъ много.

(Продолженіе впредь.)

V. КРИТИКА.

Взглядъ на текущую Словѣсность.

Наши господа крипики до сихъ поръ обрацали слишкомъ мало вниманія на любопытныя, а иногда довольно важныя спапьи, копорыя не рѣдко попадающся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Передо мною 7 первыхъ номеровъ Сына Опечесива, одна книжка Вѣспника Европы, одна Сибирскаго Вѣспника и по двѣ книжки Духа Журналовъ и Благонамѣреннаго: въ нихъ много шакого, что должно бы обралишь на себя вниманіе всякаго любителя Словесности. Какъ на пр. не удивляшья, какъ не досадовашь, когда какой-то Малороссіянинъ на стр. 95 говоритъ намъ о плавныхъ стихахъ — кого же? *Жуковскаго*. Не ужель господинъ В. К. въ одномъ изъ превосходнѣйшихъ стихотвореній Корифея Русскихъ Поэповъ нашего поколѣнія находилъ одну только плавность? Вопшь какъ 1820 года хваляшь и цѣняшь шворенія генія, копорыя бы должны быть предметомъ народной гордоспи и сладоспраспиемъ душъ высокихъ и чувспвипельныхъ. —

Но оставимъ все эпо, и разберемъ нѣскольکو примѣчательныхъ стихотвореній, оппечатанныхъ въ Сынѣ Опечесива 1820 года.

Въ 1 номерѣ: „Пѣснь о первомъ сраженіи Русскихъ съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ подъ предводительствомъ Князя Галицкаго Мстислава Мстиславича храбраго.“
Сочиненіе Г. Капенина.

Еслибъ я былъ изъ числа записныхъ непріятелей Поэма, я бы могъ сказать, — что въ самомъ заглавіи есть уже погрѣшность въ расположеніи словъ: подъ предводительствомъ и проч. по близости относятся къ словамъ: съ Татарами; и такъ Князь Галицкій былъ предводителемъ Татаръ! Но придирайтесь къ такимъ бездѣлицамъ прилично вамъ:

Обильные шворцы безплодныхъ примѣчаній,
Успавшики кавыкъ, всѣхъ спрочныхъ препинаній.

„Г. Капенинъ имѣетъ исплинный талантъ!“ — сказалъ я, когда въ первый разъ прочелъ его Софокла: „какъ жаль, что въ сочиненіяхъ его не достаешь вкуса, что онъ не имѣетъ друзей, которые бы говорили ему правду, — или какъ жаль, что онъ не вѣрилъ ихъ совѣтамъ!“ Въ семь мнѣній меня еще болѣе подтверждаетъ его новое произведеніе. Начало превосходно, достойно лучшихъ нашихъ Писателей! Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи переписать его:

Не бѣлые лебеди
 Спрѣлами охотниковъ
 Разсыпаны *въ стороны*,
 Спремглавъ по поднебесью,
 Испуганы, мечутся,
 Не по морю синему
 При громѣ и молніяхъ
 Лады бѣлокрылыя
 На камни подводные
 Волнами наносяшя.
 Среди поля чистаго
 Бѣжишь православная
 Рать Русская храбрая
 Опъ силы несчешныя
 Ташаръ побѣдишелей.
 Какъ *токѣ рѣки*,
 Какъ холмовъ цѣпь,
 Враговъ полки
 Покрыли спешь.
 Опъ шучи спрѣлъ
 Запьемился свѣшь;
 Сквозь груды тѣлъ
 Прохода нѣшь.
 Ихъ *пращи дождь*
 Мечи огонь;

.

Не можешъ взглядъ
Окинушь всѣхъ.
На шьмы Тапаръ
Бойцы легли,
И крови паръ
Вспаешъ съ земли.

Спихи не Жуковского, не Батюшкова, —
но спихи, которые бы принесли честь и
шому и другому. Приведемъ еще два, ко-
торые показываютъ талантъ Кашенина:

„Рѣшено спать щипъ—(къ несчастью)
дебелый.

Мечъ зубчатая пила!“

Послѣ такихъ спиховъ мы читаемъ:

*Не понавѣдаться ль,
Здоровъ ли вѣрный метъ?
Ужь не усталъ ли онъ
Главы поганыхъ свѣтъ?
Не уморился ли
Такъ долго кровью петь?
Коли въ немъ проку нѣтъ,
Такъ не на что беретъ;
Свались на прахъ за нимъ
И голова со плечъ:
Нѣшь срама мершвому
Кшо смогъ косями лечъ.*

Чашапель можетъ быть не повѣрить, что сѣе и прежнее писано однимъ и пѣмъ же Поэломъ, что оно находится въ одномъ и томъ же стихопвореніи:

„Мечъ уморился кровію твоею,“ что это значить? или мечъ можетъ быть раненъ? *„Если въ нелѣ прокунутъ, такъ не на это беретъ.“* Я, кажется, слышу не Князя Мспислава, но самаго низкаго просполюдина. *„Нѣтъ срама мертвому, кто смогъ костями лезть.“* — Мысль превосходная, но не Г. Капенина; какъ же она выражена? Но что Капенинъ имѣетъ истинный талантъ, видно даже изъ дурныхъ приведенныхъ здѣсь стиховъ; и въ нихъ есть два стиха — жесткихъ конечно, но превосходныхъ по силѣ и по чувству.

Свались на прахъ за нимъ

И голова со плечъ!

Слѣдуетъ еще прекрасное мѣсто:

И при раза, вспыхнувъ желаніемъ славы,

Съ земли онь, опершись на руки кровавы,

Вспаваль.

Оно сильно, живописно, ужасно! Самый размѣръ заслуживаетъ вниманіе по удивитель-

пельному искусству, съ копорымъ онъ принаровленъ къ мыслямъ. И непосредствен-но послѣ такихъ стиховъ мы читаемъ :

*„И трижды, испекши рудою обильной,
(испекши рудою!)
Тяжелыя лапы подвигнушь безсильной,
Упалъ.“*

Читаемъ :

*„Или звѣри
Плотоядны
Кровь полижутъ
Честныхъ ранъ?“*

Какое положительное безвкусіе! Далѣе мы видимъ, что Князь Даніиль прикрикнулъ на дѣшей. —

Мы бы могли выписать еще много мѣстъ, которыя доказываютъ наше мнѣніе, что Г. Кашенинъ къ своему истинному дарованію не присоединяетъ вкуса. Но мы лучше приведемъ опривокъ, въ копоромъ Поэтъ живописавъ дикими красками Данша, исполнилъ насъ ужаса, а потомъ когда мы хотѣли разсмотрѣть его хладнокровіе, оспавилъ въ недоумѣніи, удивляясь ли ему или — но пустьъ читатель самъ посудитъ :

Вздохи тяжелые грудь воздымають;
 Пошъ, съ кровью смѣшанный, каплешь съ главы;
 Жаждой и прахомъ успа засыхають; (превосходно!)
 На ноги силъ нѣшь подныться съ правы.
 Издади внемлешь онъ рашному шуму:
 Спелють, молопяшь *снопы* шамъ *изъ* главъ.

Въ стихотвореніи Капенина мы находимъ сочетаніе нѣсколькихъ родовъ размѣровъ: новизна на Русскомъ языкѣ, о которой осмѣлимся здѣсь предложить наше мнѣніе.

Не говоря о силлабическомъ размѣрѣ, который когда-то употреблялся въ нашей Поэзій, но по справедливости оставленъ, у насъ могутъ существовать размѣры трехъ родовъ: 1-е размѣръ нашихъ народныхъ пѣсень и сказокъ, коего теорію такъ хорошо и ясно изложилъ Г. Востоковъ въ своемъ Опытѣ о Русскомъ стихосложеніи; 2-е размѣръ, заимствованный Ломоносовымъ у Нѣмцовъ, основанный на удареніи словъ или на сполахъ, и на томъ созвучіи въ концѣ стиховъ, который мы привыкли называть рѣмою; 3-е сей же размѣръ, но безъ рѣомъ, подражаніе количественному размѣру Древнихъ.

Каждый изъ сихъ трехъ размѣровъ имѣеть, можно сказать, особенный слогъ,

слогъ того рода Поэзіи, коему онъ принадлежалъ первоначально. Смѣшивавъ сѣи три слога почти все равно, что говорить — по примѣру нашихъ бывшихъ модниковъ — лепешомъ, соспавленнымъ изъ словъ Русскихъ и Французскихъ, а сверхъ того вмѣшивать выраженія Греческія и Латинскія. Употребленіе же различныхъ размѣровъ одного и того же рода не только позволительно, но, какъ намъ кажется, должно послужить къ обогащенію языка и Словесности.

Г. Капенинъ, къ сожалѣнію, соединилъ всѣ три рода возможныхъ стихосложеній; не отъ того ли произошли шапкостъ и песпроша его слога?

Впрочемъ публика и Поэты должны быть благодарны Г-ну Капенину за единственную, хотя еще и несовершенную въ своемъ родѣ попытку, сблизить наше не-Русское стихопворство съ богатую Поэзію Русскихъ народныхъ пѣсень, сказокъ и преданій — съ Поэзією Русскихъ нравовъ и обычаевъ. —

Въ прѣшемъ номерѣ стихопворенія: къ *Моей родинѣ* Г-на Плешнева, и *Два Пѣвца* какого-то К. — О семъ послѣднемъ мы не скажемъ ни слова; оно очень посредственно. Г. Плешневъ долгое время

былъ слишкомъ близкимъ подражателемъ Бапюшкова и Жуковского; но въ его послѣднихъ двухъ стихопвореніяхъ (въ Элегіи, о копорой здѣсь говоримъ, и въ другой оппечатанной въ Соревнователѣ 12 книжкѣ 1819 года, подѣ названіемъ: *Побѣда*) мы съ удовольствіемъ примѣтили усиліе, вѣрную поруку за дарованіе, усиліе вышши изъ толпы подражателей. Кто желаетъ въ эпномъ увѣрипсья, пусть сравнитъ прежнія стихопворенія Г. Плешнева съ его послѣдними. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько стиховъ, по копорымъ Чипателъ нашего Зрипеля можетъ безъ сравненія соспавипсь себѣ понятіе о степени и родѣ поэпического таланпа Г. Плешнева.

Забуду ль въ пѣсняхъ я шебя, родимый край,
 О колыбель младенчества злая,
 Нѣмой моей мечты прибѣжище и рай, (пре-
 красно!)

Спрана безвѣспная, но мнѣ драгая;
 Тебя, пустынное село въ глухихъ лѣсахъ,
 Гдѣ, съ жизнью обнявшись молодою, (пре-
 восходно!)

Я въ первой разъ смопрѣлъ, что свѣспшь въ
 небесахъ,
 Что вѣспшь пакъ надѣ зыбкою водою?

.

Могилы вокругъ него (вкругъ храма) обросшія
 правой ,

Не ровными лежащія рядами ,
 Куда, ребенкомъ, я ходилъ искашь весной
Могилу тѣ, межъ сѣрыми крестами ,
 (оборощъ прозаическій)

Гдѣ мой лежитъ отецъ . . . младенца своего,
 Меня лишь на зарѣ моей лобзавшій ;
 Гдѣ, съ тайнымъ препешомъ, я призывалъ его
 И милой пѣни ждалъ, ее не знавши ?

Забуду ль васъ, о мирные луга ,

.

Васъ , низки хижины , къ пошоку съ двухъ
 холмовъ ,

Лицелъ къ лицу неправильно сходящи ,
 (ново ,)

И зыбкій, вешкій мостъ, и клади межъ береговъ,
 И пемный лѣсъ, кругомъ села шумящій ?

Г-нъ Плешневъ только долженъ обратитъ большее вниманіе на точность и спихотворность выражений и оборотовъ, долженъ пріучить себя писать со тщаніемъ, и мы увѣрены, что онъ со временемъ принесетъ честь Русской Словесности. Какъ

на примѣръ не прїяпно между хорошими его стихами чипашь слѣдующее:

Прикрытые (луга) со всѣхъ сторонъ *елями*,
 И обращенные подъ нивы берега,
 И вась, поля усѣяны *камями*;
 Или: — забуду ли шебя, о Теблежскій ручей,
 Капшійся въ брегахъ своихъ *пологихъ*
 И призывающій къ себѣ спруей своей
 Въ жары спада *вдрузь съ двухъ* полей *от-*
логихъ.

Въ 4 номерѣ превосходныя два стихотворенія, одно (Посланіе къ Т....) съ подписью: Варшава; другое (Опвѣтъ Фонъ-Визина) вовсе безъ подписи. Мы можемъ поручиться Чипашелю, что оба стихотворенія одного и того же Поэта; мы бы его назвали, но онъ самъ того не сдѣлалъ. Впрочемъ что нужды: назовемъ Жуковского, назовемъ Балюшкова, и каждый произнесетъ ими Поэта. Загадки всякаго рода нынѣ очень въ модѣ: мы надѣемся, что наша споль же легка, какъ извѣстная Французская:

Je me nomme chapeau; on me met sur la tête:
 Divine grosse bête! — (*)

(*) Эту загадку одинъ мой знакомой перевелъ слѣдующимъ образомъ:

Меня ты съ головы предъ Клипомъ не снимай;
 Я шляпою зовусь: Пьянюшкинъ опгадай.

Мы не выписываемъ ни одного стиха изъ сихъ превосходныхъ двухъ пѣснь, чѣмъ не припши въ искушеніе выписать ихъ опъ начала до конца: а за это разсердился Сынъ Опечеснва.

Между прозаическими спашьями первыхъ пяти книжекъ Сына Опечеснва первое мѣсто занимають: Пупешествіе вокругъ свѣта флопа Капитана Головнина и Письмо о Русскомъ Синтаксисѣ. Когда мы слышали, что въ Сынѣ Опечеснва будупъ появляться время опъ времени описанія пера Г. Головнина, мы обрадовались и приготоновились чипапъ спашьи занимательныя, написанныя безъ всѣхъ пустыхъ украшеній, воспорговъ и восклицаній, — мы не ошиблись.

Письмо Г. Кашанскаго содержитъ въ себѣ много новаго, смѣлаго и вмѣстѣ справедливаго: но впрочемъ, намъ кажется, онъ не довольно ясно доказалъ, что глаголы: *требовать, помогать, управлять, разсуждать*, — суть глаголы дѣйствительные. Наше мнѣніе, что тѣ только глаголы могутъ называться дѣйствительными, которые имѣють *настоящее дѣйствительное пригастіе* и въ тоже время управляють падежами или винительнымъ или родительнымъ. *Требцелый, я требцелив,*

можно сказать; но *помогаемый*, я *помогаемъ*, *разсуждаемый*, я *разсуждаемъ*, *будешь* и *пропивъ* языка и *пропивъ* Логикки. Единственное исключеніе изъ сего правила-соснавляютъ дѣйствительные глаголы: *ѣсть* и *пить*; и кажется именно пошому, что никто еще о себѣ не успѣлъ сказать: *меня ѣдятъ*, *меня пьютъ*!

Что же касается до споровъ за худыхъ актеровъ Французскихъ и Русскихъ, которыми съ нѣкотораго времени изобилуетъ Сынъ Отечества: они и смѣшны и скучны. Намъ несравненно болѣе заняло описаніе подвиговъ волка, который-было вздумалъ объявить войну намъ, Петербургскимъ жителямъ. — Впрочемъ послѣдняя спашья сего рода въ 6 номерѣ Сына Отечества заслуживаетъ вниманіе за то именно, что Г. Издапель согласился ее оппечатать. Въ ней находится двѣ выходки противъ самаго его: благородное въ семь случаевъ безпристрастіе Г. Греча заслуживаетъ подражаніе.

Наконецъ въ седьмомъ номерѣ мы съ признательностію прочли весьма лестный отзывъ Г. Издапеля о нашемъ журналѣ: свидѣтельствуемъ ему здѣсь нашу благодарность.

Въ первой книжкѣ Вѣспника Европы

мы прочли опривокъ изъ III пѣсни поучительной Поэмы: *Искусства и Науки*, Воейкова.

Прежде чѣмъ скажемъ наше мнѣніе о стихотвореніи, да будетъ намъ позволено сказать два слова вообще о Поэзіи дидактической или поучительной. — Многіе личпають превосходный *Опытъ о теловѣкѣ* (Essay of man), превосходныя рѣчи въ стихахъ Вольтера (discours en vers)? Къпо извѣстнѣе, чьи творенія чаще переводяшь: эпика (разскащика) Гомера или дидактика (учителя) Гезіода? Поученія всегда скучны и непріятны: особенно же, когда намъ напередъ, съ обидною для насъ важностію и высокопарностію Педагога, говоряшь: слушайте! я хочу учить васъ! Наспавленія — лекарства; публика — избалованный ребенокъ, который не считаешь себя больнымъ, но большой охотникъ лакомиться. Если захолимъ заставишь его принять лекарство — обманемъ его, скажемъ, что принесли ему гостинець отъ Аполлона, балладу, пѣснь, драму — и онъ безъ подозрѣнія проглотитъ поученіе! Это впрочемъ и не ново: *Музаріонъ* Виланда при первомъ взглядѣ легкая, забавная сказка, а между тѣмъ ни чпо иное, какъ полный курсъ Сократической Философіи; *Навинъ*

Лессинга для обыкновеннаго чипапеля про-
спю драма, въ которой представлена му-
дрость и великодушїе Іудейскаго старца,
а для челоуѣка мыслящаго и чувствительна-
наго Наанъ полная теорїя всѣхъ доказа-
тельствъ необходимости и прелести ис-
пищенной, Христіанской терпимости. Шил-
лерова прогулка (Spaziergang) для нѣко-
норыхъ превосходное описанїе прогулки,
для другихъ священный, вдохновенный урокъ,
взятый изъ біографїи челоуѣчества, дан-
ный всѣмъ временамъ и народамъ: будыше
умѣренны, будыше близки къ Природѣ! —

Поэма Г-на Воейкова въ семь отно-
шенїи не имѣетъ никакого сходства съ
творенїями, о коихъ мы упомянули: она
принадлежитъ къ одному разряду съ По-
эмою Лукреція, съ Поэмою о Религїи млад-
шаго Расина, съ посланїемъ Ломоносова о
пользѣ стекла. Разсмотримъ стихи:

Намъ любопытство, умъ и волю далъ Творецъ,
Который сошворилъ людей на шотъ конецъ,
Что бы къ духовному спремились совершенству.
Мы сими свойствами владѣемъ по наслѣдству,
И искра Божества пылаетъ не вооще! —

Какая проза безъ жизни гармонїи! далѣе:
мы находимъ, что душа завернута въ
пустой и темной оболочкѣ, какъ цвѣтъ

до времени себя таящій въ поткѣ: эпо-
спихи не Сумарокова! Но если бы весь
отрывокъ былъ написанъ такимъ обра-
зомъ, мы и не осмѣлились бы, го-
воря о немъ, скучать нашему Чишпапелю:
вошъ мѣсто, которое показываетъ Поэпа:

Единый человекъ умѣеть улучшать,
Разнообразить все и все преображать;
Отъ самаго себя умѣеть отдѣляться
И наблюдать себя; прекраснымъ наслаж-
дашься;

Къ добру и истинѣ въ душѣ благоговѣшь;
Въ прошедшемъ обиташь, грядущимъ овла-
дѣшь,

Кѣ намѣ настоящее приковывать мгновенье
И размышленіемъ умножить наслажденье;
На пользу опытность и случай обращать,
И опыты свои вѣкамъ передавать.

Слогъ Г. Воейкова вообще чрезвычайно не-
ровень: иногда превосходитъ по силѣ и
смѣлости выражений, оборотовъ, иногда
ниже посредственнаго по прозаизмамъ,
впрочемъ нерѣдко неизбѣжнымъ въ ди-
дактическомъ родѣ, по грубости и шеро-
ховатости звуковъ и небрежнаго стихо-
сложенія.

Что касается до прозы і книжки
Вѣспника Европы, мы можемъ сказать, что

съ любопытствомъ, но не съ удовольствіемъ, прочли мы переводъ изъ путешествія Іосифа Синковского.

Мысли, которыя въ началѣ 1820 года заступили мѣста переводныхъ повѣстей, помѣщаемыхъ обыкновенно Вѣстника Европы въ прозѣ подъ шпальею: *Изящная Словесность*, отчасти новы, хороши, остроумны; отчасти же стары, обыкновенны и даже вовсе несправедливы, на пр.

Хорошаго человѣка скоро узнать можно, дурнаго — никогда.

Мы счастливы — только лишь счастьемъ
другихъ.

Кто способенъ ненавидѣть, поэтъ не можетъ любить.

Впрочемъ мы должны отдать справедливость Г. Нечаеву; его мысли не принадлежатъ къ числу тѣхъ мыслей безъ мыслей, которыя иногда попадаются подъ названіемъ: мысли, замѣчанія и характеры и т. п.

Сибирскій Вѣстникъ, изданіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ должно быть для всякаго Русскаго важно и занимательно — выходитъ нынѣ уже третій годъ: искренно желаемъ ему дальнѣйшаго успѣха и долговѣчности. Мы увѣрены, что Сибирскій

Вѣспникъ для ума здоровая и сочная пища, а для памяти богатый источникъ положительныхъ свѣдѣній, безъ коихъ, по нашему мнѣнiю, не можно имѣть никакого права на названiе челоуѣка образованнаго и просвѣщеннаго: первая книжка Сибирскаго Вѣспника содержитъ слѣдующiя статьи: 1. Извлеченiе изъ описанiя экспедицiи, бывшей въ Киргизскую степь въ 1816 году. 2. Взглядъ на сѣверную Сибирь. 3. Киргизъ-Кайсаки большой, средней и малой Орды. 4. Сравненiе замерзанiя и вскрышiя рѣкъ Невы и Оби. Чрезвычайно жалѣемъ, что предѣлы нашего изданiя не позволяють намъ разобрать подробно одно или нѣсколько изъ сихъ описанiй. Здѣсь только слѣдуетъ начало второй статьи, что бы представитъ Читателю хотя что-нибудь въ примѣръ слога Сибирскаго Вѣспника: „Природа „вездѣ прекрасна; она прекрасна и въ са- „мыхъ ужасахъ своихъ. Обратитѣ взоръ „на сѣверный край Сибири, вообще по- „чищаемый гробомъ жизни: гдѣ земля въ „оковахъ вѣчнаго хлада; растлѣнiя лишены „цвѣта и органической силы и гдѣ чело- „вѣкъ, въ отношенiи къ нравственному „бытiю и удобствамъ общественной жи- „зни, остается въ первоначальномъ мла-

„денческомъ состоянїи — вы увидите что
 „и сама Природа имѣетъ свои красоты —
 „человѣкъ свои удовольствїя.

„Съ какимъ удивленїемъ встрѣтите
 „вы, въ извѣстную четверть года, без-
 „прерывный день подъ полярнымъ кругомъ,
 „и солнце, вмѣсто заходенїя, перемѣня-
 „ющее только свой образъ и сїянїе? или
 „ночь, освѣщаемую луною и блескомъ воз-
 „душныхъ явленїй, изображающихъ на снѣ-
 „жныхъ коврахъ зимы разноцвѣтную игру
 „преломляющихся лучей! Какая кисть пред-
 „ставитъ по тусклое, по яркое блиста-
 „нїе сѣверныхъ сїанїй, (*) копорыя въ
 „неподражаемыхъ видахъ живописуютъ
 „сѣверный небосклонъ или дугообразными
 „пропаянїями, или быспродвижущимися
 „сполпами, часно сопровождаемыми шу-
 „момъ и свиспомъ въ безпредѣльности
 „воздуха, и копорыя освѣщаютъ мрачное
 „царство долговременной зимней ночи?“ —

Духъ Журналовъ или собранїе всего,
 что есть лучшаго и любопытнѣйшаго во
 всѣхъ другихъ журналахъ по части Ис-
 торїи, Политики, Законодательства, Пра-

(*) (Не лучше ли: блистанїе сѣверныхъ сїанїй
 по тусклое, по яркое — что бы избѣгнуть дву-
 смыслия?)

вусудія, Государственнаго Хозяйства, Литтературы, разныхъ искусствъ, Сельскаго Домоводства и проч.: — *Духъ Журналовъ* хорошее изданіе, въ составъ коего особенно входятъ науки политическія и историческія. Сей Вѣспникъ опличается благороднымъ безприсраспїемъ и важностїю статей дѣльныхъ и полезныхъ.

Благонамбранный, журналъ издаваемый А. Измайловымъ съ эпиграфомъ:

On fait ce qu'on peut
Et non pas ce qu'on veut,

Не значить: взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Но впрочемъ Г. Издапель напрасно обижаетъ самаго себя; у него даже помѣщены стихотворенія такихъ родовъ, какихъ еще и не было въ *Россійскоиъ стихотворствѣ*, а именно: Омони-мы, что значить: пождесловы или соименники и поэпическіе анекдоты (иначе не умѣемъ назвать сего рода, который вѣроятно также найдеть многихъ себѣ подражалпелей), поэпическіе анекдоты о пьяницахъ. (*)

Кромѣ того у Г. Издапеля много корреспондентовъ, путешествующихъ въ ино-

(*) Чтобы распространить кругъ литтературныхъ свѣдѣній нашихъ Читателей, мы считаемъ приятною для насъ обязанностїю помѣстить здѣсь

спранныхъ земляхъ и сообщающихъ ему весьма интересныя газетныя новости.

Во вѣпоромъ номерѣ Благонамѣреннаго нѣсколько стихотвореній хоща и не въ новомъ родѣ, но съ подписью: *Варшава*. Чшобы не показаться въ глазахъ нашихъ Читателей слѣпыми панегириками Благонамѣреннаго, мы скажемъ искренно, что стихотвореніе: *трудная зарата* кажется намъ достоинствомъ во многомъ ниже прочихъ съ тою же подписью.

Посланіе къ Е. А. Б...вой, легкая, прелестная бездѣлица, напоминающая намъ хорошія Французскія посланія въ семь родѣ. Вотъ мѣсно, которое насъ плѣвило своимъ *dulce et facetum*:

И признаюсь, я часто въ восхищеніи
Васъ представлялъ чшпающихъ шайкомъ
Мои стихи въ безмолвномъ умиленій,
И жадно ждалъ, когда своимъ пѣвцомъ
Счастливаго меня вы назовете.

сіе стихотвореніе, по скромности названною сказкою.

Филатъ женѣ своей съ похмѣлья побожился,
Чшо пуншу въ ротѣ онѣ не возметѣ;
Посмотришь — влечеру чуть живѣ домой идетѣ.
„Безсовѣстный! ояшь напился!

Гдѣ былѣ?“

— У сваха Емельяна. —

„Пуншь пилѣ?“

— Нѣтъ!.. водки выпилѣ при спакана.

Въ заключеніе приведемъ еще чепырести-
шіе, подписанное: Томскъ.

„Мудрецъ! на свѣспѣ семь, межъ глупыми и злыми,
Чѣмъ заняпъ шы, я знапъ хочу?“

—Въ большой больницѣ сей я слезы лью съ боль-
ными

А съ дураками хохоту! —

14 Фев. 1820. Вильгельмъ Кюхельбекеръ.

VI. С М Ъ С Ъ.

О Т В О Р Н Ы Я М Ы С Л И.

Кто смѣетъ сказать счастью: „*приди!*“ а солнцу: „*свѣти!*“ — Опъ чегожъ хвалимся силою, мы безсильные человѣки! —

*

Просить совѣща — въ гóрѣ, и помощи въ нуждѣ, ходишь не къ знашнымъ и богатымъ, а къ добрымъ и шороватымъ.

*

Питать спраспи, поже что откармливать дикихъ коней: рано или поздно разшибутъ они въ дребезги колесницу нашу.

*

Что начинается горькимъ плачемъ, а кончится пляжкимъ вздохомъ? — Жизнь человѣческая! . . .

*

Жизнь наша есть прекрасная, любопытная *повѣсть*, въ заключеніи которой: „*продолженіе въпредъ!*“ —

*

Кому не должно вѣришь? — Каршамъ, женщинѣ и вельможѣ. . .

*

Нѣкогда былъ общій обычай, при расставаньи съ любезнымъ человѣкомъ — *цщипнуть* его, чтобъ долго помнилъ. . . . Нынѣ обычай этотъ остался только у нѣкоторыхъ начальниковъ, при расставаньи съ ихъ подчиненными.

*

Опытъ Поли-метра (много-либра.)

Конь упомленный пушемъ, наѣвшись подножнаго корма, дремлетъ спокойно; а бодрый ѣздокъ подлѣ сидитъ и взираетъ, въ пишинѣ безмяшежныя ночи, на синее небо, на звѣзды златыя. . . . Глядитъ и мечтаетъ о своемъ дальнемъ пути, о пѣхъ городахъ, о пѣхъ Царстввахъ, по которымъ сей путь пролегаетъ. — Тоже и съ нами: съ нашимъ *тѣлолюб* и *духолоб*: *первое*, чувства насытя сластями сей дольня жизни, — спитъ; а *другой*, лишь улягутся страсти, не дремлетъ, а смотритъ на небо и мыслитъ о пути неизвѣстномъ, далекомъ. . . .

Федоръ Глинка.

А Н Е К Д О Т Ы.

I.

Въ древнія времена рыцарства и идолопоклонства, одинъ Брепонскій Князь пославилъ испуканъ Побѣды въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сходились чешыре дороги. Богиня въ правой рукѣ держала копье, а лѣвою опиралась на щитъ, копораго одна сторона была золотая, другая серебряная. Надписи на древнихъ языкахъ возвѣщали о подвигахъ героевъ, прославленныхъ Богинею.

Случилось, что два рыцаря, вооруженные съ ногъ до головы, одинъ въ черной, другой въ бѣлой бронѣ, сѣхались у сей статуи въ одно время съ двухъ прошивныхъ сторонъ. Никогда не видавъ ее, они остановились, чпобъ прочестъ надписи и разсмотрѣть мастерскую работу. Чѣмъ болѣе гляжу на этотъ золотой

щипъ, сказалъ черный рыцарь. Что вы называете золошымъ щипомъ? — возразилъ бѣлой рыцарь, который смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ на противную сторону; если вѣрять глазамъ моимъ, то онъ долженъ быть серебряной.“ — „Я не вашими смотрю глазами; мнѣ извѣстно, что такое золошой щипъ, я теперь вижу его предъ собою.“ — „Невѣроятно,“ — сказалъ бѣлой рыцарь, — „какъ могли поставитъ серебряный щипъ на пробъжей дорогѣ; и еще болѣе удивительно, что до сихъ поръ корыстолюбіе не осмѣлилось прикоснуться къ нему; судя по надписи, ему должно быть слишкомъ пріиспа лѣтъ.“ —

Черный рыцарь, чипая у себя совсѣмъ противное, спалъ колко издѣваться надъ мнимымъ невѣжествомъ своего соперника; сей отвѣчалъ ему равною насмѣшкою. Наконецъ они такъ разгорячились въ спорѣ, что положили рѣшить его поединкомъ. —

Они поворотили коней своихъ къ одной близъ лежавшей равнинѣ и тамъ, направивъ копья, съ такою силою ударили другъ друга, что оба стремглавъ упали на землю раненые, разбитые и лишенные чувствъ. Къ счастью одинъ Друидъ, искусный въ врачеваніи, проходилъ мимо того мѣста. — Онъ увидѣлъ ихъ въ семъ жалкомъ положеніи, остановилъ въ нихъ печеніе крови, перевязалъ ихъ раны, и такимъ образомъ возвратилъ имъ жизнь. Когда они опомнились, то Друидъ спросилъ у нихъ о причинѣ поединка. — „Онъ смѣетъ увѣрять меня“ — сказалъ черный рыцарь, — „что щипъ этой богини серебряный.“ — „А онъ хочетъ насильно убѣдить меня, что

щитъ сдѣланъ изъ золота. “ Тутъ они рассказали ему подробности дѣла. — Ахъ, сказалъ Друидъ со вздохомъ, вы оба правы и неправы. Еслибъ вы осмошрѣли спашую съ обѣихъ сторонъ, то бы избѣжали пустяго спора, который имѣлъ для васъ столь пагубныя послѣдствія. — Впрочемъ вы получили хорошій урокъ; и я совѣтую забывать его: сперва разсмотрите обѣ стороны предмета, а потомъ начинайте спорить о немъ.

II.

Герцогъ Анжуйскій былъ въ Неаполитанскомъ походѣ. Однажды посѣтилъ его въ лагерь Ридольфо-Камерини. — Герцогъ показалъ ему свои драгоценности, между которыми находилось много жемчуга, сапфировъ, рубиновъ и другихъ камней. — „Сколько все это стоитъ и какую приноситъ пользу? спросилъ Ридольфо у Герцога. — „Очень много денегъ на это истрачено.“ — отвѣчалъ Герцогъ, — пользы же я никакой отъ того не имѣю. — Тогда сказалъ Ридольфо: — „я вамъ покажу, Герцогъ, такіе два камня, которые хотя стоятъ 10 гулденовъ; но ежегодно приносятъ доходу болѣе 200 червонныхъ.“ — Потомъ онъ повелъ Герцога на ближнюю мѣльницу свою, и показалъ его свѣтлости два жернова. Вотъ, сказалъ, онъ камни, отъ которыхъ я получаю гораздо болѣе пользы нежели вы отъ бриліаншовъ. —

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

И т а л і я.

Римскіе журналы содержатъ въ себѣ описанія нѣкоторыхъ новѣйшихъ открытій Бришанскаго Общества. Между ими заслуживаютъ большее вниманіе сдѣланныя Г. Белзони, Италіанскимъ путешественникомъ, во время его пребыванія въ Египтѣ, касательно древностей. Побѣдивъ многія препятствія, онъ проникъ во внутренность второй большой пирамиды города Гизы, гдѣ открылъ комнату съ трупами и нашелъ въ гранитномъ гробѣ мумію, которая вѣроятно есть шѣло одного изъ Фараоновъ. Послѣ того Г. Белзони открылъ храмъ Изамбула въ Нубіи недалеко отъ второго источника Нила. Въ Фивахъ онъ нашелъ многіе памятники и статуи зарытыя слишкомъ двадцать вѣковъ, между коими отличаетъ статуя *Юпитера Аммона*, сдѣланная изъ бѣлаго мрамора, чрезвычайной красоты. Наконецъ въ окрестностяхъ Фивъ Г. Белзони открылъ подземную залу и въ оной гробъ изъ алебаstra съ различными фигурами и Иероглифами. Этотъ удивительный памятникъ видомъ походитъ на колоколъ и насквозь свѣтлится какъ кристаллъ.

Г. Белзони изъ Александріи возвратился въ Венецію, гдѣ онъ теперь держитъ карантинъ. Отсюда онъ намѣревается поѣхать Падау — свое отечество, а оттуда поѣдетъ въ Парижъ и Лондонъ, чтобъ обнародовать послѣдствія своего достопримѣчательнаго путешествія.

Провинціальный Совѣтъ въ Аквилѣ отвергнулъ предположенный Королемъ планъ, чтобъ возстановить славный построенный Императоромъ Клавдіемъ каналъ Эмиссаріо, коюрой принимаетъ въ себя воды озера Фуччино. Сей каналъ есть одинъ изъ славнѣйшихъ произведеній Римлянъ.

На сихъ дняхъ въ Генуѣ играли Оперу *Abra date e' Dircea*. Она есть отличное произведеніе Капельмейстера Николини.

Г е р м а н і я.

Сколь далеко простирается почтеніе къ Шиллеру, видно изъ слѣдующаго: въ городѣ Марбахѣ, гдѣ онъ родился, по многимъ изслѣдываніямъ найденъ маленькій домикъ близъ городскихъ воротъ, въ коюромъ Шиллеръ провелъ младенчество. Нынѣшній владѣлецъ онаго выставилъ надъ дверью дома большую доску: *Здѣсь родился Фридрихъ Шиллеръ*. Всѣ почти путешественники и пробѣгающіе посѣщаютъ домъ и откалываютъ отъ столбовъ дверей кусочки дерева, коюрыя хранятъ какъ святыню.

И с п а н і я.

Въ Испаніи были очень большія морозы. Въ Ирунѣ со всѣмъ замерзла Бидассао; въ Сарагоссѣ рѣка Эбро покрылась льдомъ, равнымъ образомъ и каналъ Аррагонскій; въ Медина дель Кампо и Королевствѣ Леонѣ мерзли вина въ погребахъ. Въ Эспремадурѣ выпалъ снѣгъ, коюраго жителя не видали 16 лѣтъ на поляхъ своихъ.

К и т а й.

Въ письмахъ одного Каполическаго Миссіонера изъ Макао содержится подробное извѣстіе о ужасномъ гоненіи на Христіанъ, находящихся въ Кишаѣ. Многія тысячи преданы были жестокимъ мученіямъ, заключены въ темницы, или отсылались въ Ташарію. Императоръ объявилъ, что онъ не терпитъ въ своемъ Государствѣ иностранныхъ живописцевъ, часовыхъ мастеровъ и Мапематиковъ; подъ симъ предлогомъ запрещенъ въ вѣздѣ и Миссіонерамъ. При семъ жестокомъ преслѣдованіи — оказалось истиною Тертуліаново изрѣченіе: что *кровь мучениково есть сѣмя Вѣры*. Число Христіанъ увеличивалось годъ отъ году, такъ что въ Се-Тшеунѣ за 50 лѣтъ предъ симъ считалось только до шести тысячъ Христіанъ, но теперь число ихъ умножилось до шестидесяти тысячъ.

Ф р а н ц і я.

Между манускриптами нынѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1 Жизнь знаменитаго Дюгескина, превосходный не изданный манускриптъ XIV вѣка, украшенный 20 портретами. Этотъ историческій памятникъ не извѣстный бібліографамъ становится болѣе занимательнымъ, какъ предположено воздвигнуть статую сему герою; 2. Описаніе путешествій Карла V, секретаремъ его Венденессомъ, которой находился при немъ до самой его кончины. Сей манускриптъ не былъ въ рукахъ Робинзона и важенъ по отношенію его къ Исторіи Испаніи.

Не давно по смерти одного водовоза найдено у него 30,000 франковъ звонкою монетою.

Генералъ Сарразень, копорый въ прошломъ году за многоженство осужденъ былъ на десятилѣтнюю работу и заплашишь 40,000 фр. пени, выключенъ изъ числа членовъ Почетнаго Легіона. Вчера (21 Февр. н. ст.) его посадили съ девястью другими преступниками у безчестнаго столба. Когда его должно было вывести изъ тюремной комнаты, у которой собралось множество народа, онъ пропивился всѣми силами. Четыре жандарма принуждены были связать ему руки и ноги, и такимъ образомъ посадили его въ шелегу. Дорогою онъ старался возбудить участіе въ солдатахъ, и кричалъ имъ: „воины! смотрите какъ поступающъ съ однимъ изъ вашихъ Генераловъ.“ — Но это не произвело ни какого дѣйствія. Сарразеня посадили на спулъ, на которомъ онъ съ желѣзною рогашкою на шеѣ, пробылъ до полудня, казался спокойнѣе, и потомъ былъ отвезенъ въ Бисетръ.

Изъ Парижскихъ Театровъ, въ которыхъ по случаю кончины Герцога Беррійскаго, въ продолженіи девяти дней не было представленія, получили въ вознагражденіе: Театръ Французскій и Фейдо по 30,000 фр. Одеонъ 20,000, а каждый изъ прочихъ Театровъ по 15,000 франковъ.

А н г л і я.

Г. Вестъ выставилъ свои карпины въ Пальмалъ, изъ копорыхъ лучшія суть: Поруганіе Христа отъ Иудеевъ, Ап. Петръ, Павелъ и Варнава, Проповѣдуію обращающіе языкъ.

никовъ вѣ Христіанскую Вѣру. Но Англичанамъ всего болѣе нравился картина представляющая Испанскую инквизицію, писанная Итальянцемъ Ревелли. Она показывается вечеромъ при блѣдномъ свѣтѣ и производить разительное дѣйствіе на зрителей.

Издатель Журнала *Evenig Post* вѣ Дублинѣ увѣряетъ, что отъ 27 Декабря получено извѣстіе изъ Монреаля о Экспедиціи къ сѣверному полюсу, коюрая опыскала *сѣверозападный проходъ*.

VII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Ф р а н ц і я.

По случаю убивства Герцога Беррійскаго вѣ Парижѣ и во всей Франціи взяпы большія предосторожности: Генералы и Меры отправились къ своимъ мѣстамъ; караулъ у Тюльрійскаго дворца усиленъ трешекъ частію. Изъ Лиля велѣно припши вѣ столицу двумъ полкамъ гвардіи. Полиціи данъ приказъ, какъ можно спрже смотрѣть за иностранцами, прѣзжающими во Францію; болѣе пятидесяти человекъ по разнымъ показаніямъ, а опчасти изъ подозрѣнія взяпы подъ стражу. Вѣ самомъ Министерствѣ произошла важная перемѣна. Графъ Деказъ пожалованъ вѣ Герцоги, увѣленъ опъ своей должности и отправился Посломъ вѣ Лондонъ. На мѣсто его предсѣдателемъ Совѣта Министровъ назначенъ Герцогъ Ришелье. Графу Симеону, коюрой при началъ

революціи былъ Адвокатомъ въ городѣ Э (въ Провансѣ) повелѣно бысть Министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Г. Мунье Генераль-Директоромъ Полиціи.

Первой голосъ къ перемѣнѣ Деказа подалъ депутатъ Г. Клозель де Куссергъ. Въ засѣданіи Палаты (14 Фев. по н. сп.) онъ сказалъ: „Государи мои! у насъ нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ степень отвѣтственности Министровъ (*движеніе; Клозель говоритъ сильно*) я обвиняю Графа Деказа какъ соучастника въ убіеніи Герцога Беррійскаго.“ . . (Къ порядку! къ порядку!) Всеобщій ропотъ принудилъ Клозеля оставить ораторское мѣсто.

Въ засѣданіи 15 Февраля жалоба Клозеля де Куссергъ подала поводъ къ сильнымъ прѣніямъ. Гнъ Корне д'Инекюръ (другой Роялистъ) покушался оправдать мнѣніе своего поварища. Прошивъ Клозеля подалъ голосъ Г. Курвуазье (либеральный) Онъ сказалъ; „кто обвиняетъ безъ доказательствъ Министра, говорящаго именемъ Короля, тотъ оскорбляетъ самаго Короля, тотъ оскорбляетъ Палату, потому что дѣлаетъ ее театромъ необузданныхъ страстей своихъ.“ — На это Клозель де Куссергъ отвѣчалъ: Нарушеніе формъ въ такое время, когда видятъ гибель послѣдняго наслѣдника крови Людовика XIV есть важный упрекъ Г. Деказу и будучи внутренно убѣжденъ въ его виновность, я хочу привести тому подробныя доказательства. Министра можно обвинять не нарушая обязанности вѣрноподданнаго; напротивъ это можетъ бысть самый лучший способъ служить Королю.“ Г. Сш. Олеръ (тестъ Министра)

возразилъ: „какъ Г. Клозель не думаетъ извиняться въ своей несправедливости и упорствуетъ въ такомъ обвиненіи, которое доказываетъ только помѣшательство ума его, то я въ короткихъ словахъ отвѣчаю ему, что онъ клеветникъ.“ (*Глубокое молчаніе.*)

Наконецъ обратились къ обыкновенному занятію дѣлами. Министръ Деказъ самъ выступилъ съ новымъ проектомъ закона о выборахъ. Оный состоишь изъ 43 артикуловъ, изъ коихъ значнѣйшіе суть слѣдующіе: Палата депутатовъ должна состоять впредь изъ 430 членовъ (а до сего времени была изъ 258) изъ коихъ 258 изберутся изъ окружныхъ Коллегій, а прочіе 172 изъ Коллегій Департаментовъ. Увѣряютъ, что причиною смѣны изъ Министровъ Деказа были Гг. Руа, Пакье и Лашуръ-Мобуръ, которые рѣшились объявить, что не останутся въ Министерствѣ, если не удалятъ Деказа.

Бенжаменъ-Констансъ получилъ отъ нѣкоторыхъ особъ безъимянные письма, въ которыхъ содержались большія угрозы.

Журналъ Quotidiennе обвиняетъ Национальную гвардію города Меца въ убивствѣ Герцога Беррійскаго, потому что Лувель оставилъ Мецъ предъ самымъ совершеніемъ преступленія.

Г у р ц и я.

Султанъ повергнулъ въ горесть кончиною младшаго сына своего Султана Ахмеда. (Онъ родился 13 Октября 1819).

Опшоманская Порша тѣмъ болѣе опечалена сею пошереею, что наследникъ престола

Султанъ Абдулъ - Гамидъ имѣетъ слабое сложеніе.

Испанія.

Генералъ Эліо прежде былъ назначенъ командующимъ арміею противъ Инсургеншовъ; но онъ чрезъ курьера обратно опозванъ въ Мадридъ, потому что жестокостью своею не могъ сдѣлать хорошаго впечатлѣнія на Инсургеншовъ. Генералъ Фрейеръ назначенъ на его мѣсто. Онъ долженъ подъ рукою сдѣлать нѣкоторыя предложенія Инсургенштамъ, которые бы соотвѣтствовали его желаніямъ. Онъ одинъ изъ Испанцевъ въ состояніи исполнить это трудное препорученіе.

Англія. 22 Февраля.

Новости изъ Рио - Янейро содержатъ въ себѣ, что Россійскій флотъ состоящій изъ пяти линейныхъ кораблей вошелъ въ сію гавань въ концѣ Ноября. Онъ тамъ нашелъ въ тоже почши время прибывшую Англійскую эскадру изъ 4 хъ линейныхъ кораблей. Болѣе ничего неизвѣстно о назначеніи сихъ двухъ флотовъ.

Пизмонти.

Письма изъ Каира извѣщаютъ, что Али Паша Египетскій покорилъ Палестину и что его армія всступила въ Иерусалимъ.

